

АЛЕКСАНДР СМЫШЛЯЕВ

ВРЕМЯ ПОЛЯРНЫХ БРОДЯГ

(главы из книги)

Север — моя давняя мечта. Имей я три жизни, сколько бы я сделал на этой прекрасной земле. Вы не представляете, как меня манят Колыма и Чукотка.

Я непременно побываю в Заполярье и прострочу его собственными ногами.

Владимир Клавдиевич Арсеньев — своему другу, моряку, капитану Евгению Бессмертному

Назови имя — Олег Куваев. И тотчас получишь ответ: “Это геолог, писатель, знаю его замечательный роман “Территория”, рассказы “Берег принцессы Люськи”, повесть “Дом для бродяг”. Кто-то назовёт больше, но даже “Территории” достаточно, чтобы понять, что Куваева читают до сих пор. Читают, помнят и любят...

Вот она, известность и слава писательская. И человеческая. Когда в 2015 году вышел на экраны фильм режиссёра Александра Мельника “Территория”, в основе которого лежит роман Олега Куваева, люди бросились смотреть его не из-за режиссёрской и актёрской работы, а из-за имени Куваева. Посмотрев кино, зрители, конечно же, сравнивали роман с фильмом. И, как бы ни была грандиозна работа по созданию фильма (одних только северных съемочных экспедиций было три — на плато Путорана и на Чукотку), но сравнение оказалось далеко не в пользу кино. Фильм, такой красивый, такой героический, не смог подняться до высот литературного текста Куваева. Режиссёру, при всём уважении к его большой и сложной работе, не хватило глубокого знания Севера, тонкостей геологической жизни и сердечной, настоящей любви к Чукотке. Но фильм, скажу честно, украсил наш нынешний блёклый в основном кинематограф.

СМЫШЛЯЕВ Александр Александрович родился 16 мая 1952 года в горняцком посёлке Темиртау в Горной Шории (Кемеровская область). По образованию геолог и тележурналист. Работал в геологических экспедициях в Сибири и на Камчатке, с 1989 года — в журналистике. Автор трёх десятков книг, в том числе “К тайнам туманных Курил” (2005). Участник нескольких Курильских историко-географических экспедиций. Работал в геологоразведочных экспедициях: Томь-Усинской, Янской, Северо-Камчатской и Пенжинской. Член Союза писателей России с 2006 года, член Правления СП России. Живёт в Петропавловске-Камчатском.

Сегодня можно услышать, что романтика закончилась, ушла из наших душ, переродилась в экзальтированное притворство. Не соглашусь! Романтика жива. И романтиков много. Просто они другие, я бы сказал – более экипированные, подготовленные. Но такие же безоглядные, готовые ради любви к жизни, а то и настоящим трудностям, а уж к красотам мира – точно, отправиться на край света. И отправляются. И гибнут порой, но идут. Кто-то покоряет горные вершины, кто-то – океанские просторы, а кто и Чукотку, Камчатку, Аляску, где ещё есть что покорять, есть где испытать себя на прочность и человечность.

Как они жили, эти романтики? О чём мечтали, думали? Какие люди их окружали? Мне давно хотелось приблизиться к ответам на эти вопросы, потому что с юности люблю произведения Куваева. Кроме того, хотелось ближе узнать, ещё раз перечитать и других писателей Севера. После прочтения их книги люди становились путешественниками, альпинистами, геологами, океанологами, охотоведами, биологами и т. д. И писателями в том числе. Литературную, романтическую тропу натаптывали по тайге, тундре и полярным льдам Тихон Сёмушкин, Михаил Зуев-Ордынец, Николай Шундик, Владимир Тан-Богораз, Владимир Обручев, сын его Сергей Обручев, Юрий Рытхэу, Григорий Федосеев, Леонид Пасенюк, Михаил Скороходов, Виктор Болдырев, Евгений Рожков, Герман Жилинский. И, конечно же, Джек Лондон, Джеймс Кервуд, Фарли Моуэт. Эта статья – о романтиках литературы, романтиках труда, романтиках подвига, романтиках дороги. Но в первую очередь, всё-таки об Олеге Куваеве. Тепло походных костров до сих пор сохраняется и явственно ощущается, передаваемое нам, читателям, со страниц прекрасных его книг. Так же явственно, как шорох звёзд на чистом ночном небе где-нибудь посреди Чукотки. Или Камчатки.

С тем и начинаю своё повествование.

Олег Куваев, пока ещё просто молодой геофизик и начинающий писатель

Ноябрь в Певеке – месяц зимний. Солнца мало, морозы крепчают. День, через день – снег, снег, снег...

Геофизик Олег Куваев живёт на Сопке, в перенаселённом, но хотя бы относительно тёплом бараке. Он недавно вернулся в Певек из Анадыря, где провёл полевой сезон-1959, поэтому все его мысли пока там – на реке, так не похожей на чукотскую, но оставившую в сердце и памяти неизгладимый след. Всё лето он занимался интересной работой, был поглощён ею, она дала ему хороший эмоциональный заряд на всю предстоящую зиму.

И всё же, всё же он ощущал, что в его жизни что-то не так...

Два года он в полярной геологии. Казалось бы, свершилось всё, о чём мечтал в юности: романтика Севера, трудные маршруты, рядом – красивые и мужественные друзья и коллеги, но душа не может насытиться всем этим, просит чего-то большего. Она маятся.

“Я вряд ли могу что-либо получить более удовлетворяющее мечте о странах, лежащих за горизонтом, чем моя настоящая работа”, – пишет он в письме к товарищу, геологу Андрею Попову, но при этом с горечью признаётся, что, “проработав два года, понял, что даже профессия геолога или геофизика не даёт полного удовлетворения этой мечте”.

Ему этого действительно мало, потому что “работа – это промышленность, это жёсткие рамки, это ненавистная техника, вертолёты и самолёты, это нудное сидение над отчётами”. А ему надо “шляться по планете именно так, как я хочу, и писать об этом так, чтобы жирным дачникам не спалось по ночам, – и счастливее меня не будет человека. Удивительно и прекрасно каждое место на земле (кроме городов и посёлков), и люди обязательно должны понять это. Может быть, посмотреть, как мчится по кочкам вспугнутый олень, не менее достойное занятие, чем слушать “Пиковую даму”.

В те годы, да и позже, вплоть до середины 1980-х, юноши и девушки зачастую шли в геологию не столько ради самой геологии, самой профессии, сколько ради романтики, однажды вскипевшей в их душах. На первом, втором курсах институтов и техникумов им важнее были песни под гитару у костра, чем ежедневное копание во внутренностях Земли. Важнее было таёжное и тундровое братство, чем производственная дисциплина. Позже, углубляясь

в геологию-науку, начав понимать её, они понимали и то, что в ней больше обычной работы, нежели романтики. И не каждый мог это принять для себя. Но было уже поздно, профессия выбрана. Таким оказался и молодой геофизик Олег Куваев. Он продолжал жить романтикой.

Знаменитый японский путешественник Наоми Уэмура как-то признался: “Мне легче убить медведя, чем произнести две английские фразы”. Это признание отнюдь не умаляет интеллектуальных способностей японца, оно лишь подчёркивает, что этот человек, кстати, путешественник-одиночка, привык делать свою жизнь сам, отвечать за себя сам. Заскорузлые, не единожды обмороженные руки всё умеющего трудяги и молчаливая натура, упрямый, сильный характер – это крайняя, самая ярко выраженная разновидность романтиков. “Когда дело доходит до приключений, я становлюсь эгоистом, – говорил Уэмура. – Для меня истинный смысл моих путешествий – в радости от свершения задуманного... Когда удавалось преодолеть себя и продвинуться ещё хоть немного вперёд, я чувствовал радость и гордость за то, что всё это мне пришлось совершить в одиночку, без чьей-либо помощи”.

Но Уэмура стал знаменитым чуть позже, после большого путешествия по заполярью Северной Америки, Олег Куваев его не знал, хотя, возможно (конечно, возможно!), был о нём наслышан, и если это так, то чувствовал в нём родственную душу. Наоми Уэмура погиб на Аляске при повторном одиночном восхождении на гору Мак-Кинли (тянула она его) в феврале 1984 года. Ему было ровно 43 года (он и родился в феврале, в 1941 году). Олег Куваев умер в 40 лет (четыре с небольшим месяца не дожив до 41), в 1975 году, когда японец Уэмура как раз шёл в одиночку к своей всемирной славе путешественника, пересекая на собачьей упряжке Гренландию, а затем острова Канадского архипелага.

Олег Куваев как натура творческая тоже стремился к одиночеству. По суrowsой заполярной реке Омолон он сплавился на лодке в одиночку.

“Живу я очень один, – писал Олег Куваев в 1966 году, когда уже ушёл из геологии в профессиональное писательство, другу-геологу Вилю Якупову. – С литературной шоблой не вожусь, помимо чисто деловых контактов. Скушно мне с ними, самовлюблённый какой-то, легкопенный народ. Получил приличную комнату в 19 метров, поставил диван, стол, постелил на пол шкуру... вот и всё”.

Но всё это будет позже – и писательство, и жизнь в Подмосковье в “приличной комнате”, и неожиданная смерть от инфаркта в расцвете сил, а пока молодой геофизик Олег Куваев сидит над чистым листом бумаги в относительно тёплом бараче посреди заполярного Певека и размышляет о жизни. За окном, разрисованным морозом, – ноябрь 1959 года. Олег как раз на распутье: продолжать ли работать в геологии, которая связывает его мечты о полной свободе, или же весной уволиться и поехать “на пару месяцев к чукчам-охотникам за моржами куда-нибудь вроде Нунлинграна, после этого сделать свой переход* и появиться в Москве, а там будет видно”.

Он думает так ещё и потому, что почувствовал вкус литературного творчества. К тому же местные литераторы и журналисты с теплотой и вниманием приняли его в своё сообщество. Он уже видит себя профессиональным писателем, отвязавшимся от обязательной работы в геологии. Он видит себя только в путешествиях и за писательским столом. И пусть написано пока ничтожно мало, но “в издательстве местном, возможно, выйдет в 1961 или 1962 году сборник моих рассказов”.

“В местных кругах пришла ко мне неожиданно литературная слава, – пишет Олег Куваев в очередном письме товарищу Андрею Попову. – Рассказ “Гернеугин, не любящий шума” трижды передавали по Магаданскому радио, дали ещё заказ. “По земле чаучу и каваралинов” будет напечатано в альманахе “На Севере Дальнем”. Есть такой орган. Ну, и есть ещё один рассказ у меня... “Иннакели”. Романтика в стиле Дж. Лондона. Что из него будет, неизвестно. Пишу ещё один рассказ – “Четвёртый шанпоут”. Если получится неплохо, пришлю Вам на отзыв. Ну, а в общем серьёзно этим делом, конечно, заниматься не думаю”.

* Имеется в виду задуманная им “грандиозная морская программа” похода по Ледовитому океану и Берингову морю вдоль Чукотки и Камчатки, как он называл: “переход Певек – Камчатка”.

Ой ли! Конечно, думает. Мечтает о серьёзном литературном творчестве. Иначе зачем ему свобода от работы, зачем планирует увольняться? Чтобы вволю “бродяжничать” (его любимое слово) и писать! В каждом письме он об этом:

“Написал одну романтическую повесть “Лёшка из племени онкилонов” (странички из записной книжки о человеке, который искал пампасы). Не посылаю её Вам, так как только по окончании понял, что слаба она, малокровна. Записки мои о тундре напечатали в альманахе “На Севере Дальнем” Из “Вокруг света” ничего не пишут...”

“Ещё раз спасибо за ваши заботы в “Вокруг света”. Напечататься там – это не только огромная моральная поддержка. Если в редакции уверуют в наличие у меня пусть небольших литературных способностей, то я верю, что эти люди заразятся и планами по растревоживанию душ обывателей, о возможности романтики и в наше время. Более того, не пора ли начать давать художественную географию нашего отечества, прекрасной старушки-земли. Планов этих у меня заваль”.

Увы, ждал Олега Куваева удар по творческому самолюбию: 30 ноября 1959 года журнал “Вокруг света” отказал ему в публикации двух рассказов. “Сообщают, что оба мои творения дрянь, с чем я совершенно согласен. Чёрт с ними. Они предлагают переделать это на документальный очерк о киновари, но ведь там, где начинаются подлинные факты, там исчезает романтика, а с ней и прелесть творчества. Так мы с редакцией “Вокруг света” принципиально разошлись по важнейшему вопросу современности. Переделывать я ничего не буду, душа не лежит”.

Удар этот оказался судьбоносным. Сначала “неудачливый” автор загулял (“страшно недоволен я своей жизнью, даже одно время загулял на пару недель...”), а, выйдя из депрессии, решил, что хватит колебаться между литературой и геологией, надо выбирать геологию.

Но в Чаунском РайГРУ* он не остался, в начале 1960 года перевёлся в Магадан – в Северо-Восточное геологическое управление. Работал старшим инженером отряда геофизического контроля.

Но и здесь его продолжает мучить, как он пишет, “извечный, пошлый вопрос нашего возраста: “Что делать?” Ясно одно: романтика. Для романтики нужна свобода и, прежде всего, материальная. Как этого добиться? И спасительный гвоздь – это наш переход Певек – Камчатка. Я должен во что бы то ни стало его сделать. Что, при известном успехе и рекламе, даст возможность провести год в каком-нибудь увлекательнейшем занятии. Хотя бы в поисках “золотой бабы аримаспов”. Вижу, что не верите, а я верю”.

Творчество он не бросает, наоборот, усиливает обороты. Вновь посылает рассказы в журнал “Вокруг света” – упрямец! И ждёт оттуда ответа, тайно надеясь, что теперь-то уж напечатают. Тем более что с его первым сборником рассказов, стоявшим в плане Магаданского издательства, происходят “колебания”, как он это называет, и “опубликование во всесоюзном журнале было бы очень веским моральным фактором в пользу выхода его в 61 году”.

Летом 1960 года он прилетает в Москву. В планах, в том числе, – поступление в Литературный институт. Но “в Литинститут поступать не стал. Главная причина в том, что я понял, что профессионализироваться мне ещё весьма и весьма рано. Вернее, не в том смысле, что рано, а в том, что это ставка на очень неважную карту. Пара опубликованных рассказов ведь совсем не даёт ещё оснований надеяться на большее”.

Он всё ещё колеблется. Поэтому, хоть и планировал остаться в Москве и попробовать начать другую жизнь, но всё же возвращается в Магадан.

Как иногда открывают месторождения

Ранний рассказ Олега Куваева “Гернеугин, не любящий шума” (1959) больше похож на притчу, в которой сразу несколько тематических слоёв.

Автор ведёт повествование от имени чукотского охотника. Ведёт мастерски, уже набрался чукотских словечек, и быт тундры познал, хотя работает на Чукотке только два года. Значит, человек наблюдательный. Значит, подходит к делу профессионально.

* РайГРУ – районное геологоразведочное управление.

Его герой – старый чукча Гернеугин – переживает за родной уголок тундры, в который пришли геологи и начали взрывать землю. Любопытно и боязно Гернеугину, запряг он собак в нарту и поехал к геологам посмотреть. Те хлебосольно встретили охотника, а на прощанье подарили кусочек касситерита, на который “вели охоту”. Вернувшись домой, Гернеугин рассмотрел камешек и понял, что геологи не там ищут, потому что такие камни залегают как раз на месте его землянки. На мысу, где он жил, было много касситерита, он красного цвета, поэтому Гернеугин считал его окаменевшей кровью. Поначалу обрадовался охотник, что геологи идут по ложному следу, значит, не найдя касситерит, свернут работу и уедут, оставят его родную тундру в покое. Он даже пробовал закопать “каменную кровь” на мысу снегом, чтобы ненароком не увидели геологи, не начали взрывать его мыс, но вскоре усомнился в правильности своих действий. “Как собака над китовой головой сидит он здесь. Сам съест не сможет, другим не отдаст”. С тем и кончились беспокойные мысли у Гернеугина, его сомнения. Наломал он касситерита и отвёз камни геологам. Так было открыто первое месторождение олова на Чукотке, в Певекском районе.

Незатейливый рассказ-притча, но есть в нём один важный смысл: местное население Чукотки при всей его любви к малой родине, родной тундре, помогало русским обустроить свой дальний угол большой страны. Кто-то за премии помогал, а кто-то, как Гернеугин, по совести.

Рассказ Олега Куваева перекликается с содержанием книги чукотского геолога Марка Исидоровича Рохлина “Там, где были яранги” (М., Советская Россия”, 1961). В этой документальной книге подробно описывается открытие первого месторождения олова в Певекском районе Чукотки. Есть и сведения о помощи геологам чукчей.

“...Попадались, особенно среди стариков, люди, недовольные нами.

– Зачем на сопке землю копаешь, взрывы делаешь, корм олений портишь? – сетовал колхозный пастух Каакак.

– Скучно стало в тундре. Люди пришли, шуму стало много, песка стало мало, – горевал охотник Рольтенват.

Всё же таких было немного. Большинство, хотя и смутно, но понимало значение работ экспедиции для будущего их родного края. Понимало и помогало, чем могло.

На майские праздники 1937 года в Певек приехали чукчи из стойбищ, расположенных за 100–200 километров. В дом экспедиции пришла чукчанка, принесла с собою отлично сшитые меховые сапоги – торбаса.

– Вы для нас олово ищите, я вам торбаса сшила, чтобы лучше было по тундре ходить...”

Наверняка Олег Куваев знал эти истории с чукчами и описал их в художественной форме.

С помощью местных жителей открывались месторождения не только на Чукотке, открывались во многих других укромных уголках России. Так, местные охотники навели геологов на выходы нефти на Камчатке. Охотник-шорец Шерегешев показал геологам выходы железной руды в Горной Шории в Сибири. И так далее, много было подобных случаев.

А сюжет о помощи чукчей не остался только в описанном здесь рассказе Олега Куваева. Позже он перейдёт в его роман “Территория”, материал к которому, поначалу подспудно, неосознанно, просто из любопытства и любви к теме золота, начал собирать писатель уже в 1958 году, почти сразу по приезде на Чукотку, влюбившись в неё и поняв, что она – его Территория.

Омолон, или просто Река

Путешествие Олега Куваева по Омолону проходило осенью 1970 года. Сплавлился он в одиночку, что, конечно же, вызывает уважение, потому что эта река течёт по большей части в безлюдных местах, на её берегу только одно поселение да метеостанция. Река горная, с характером, к тому же с ледяной водой. Сплавляется по ней небезопасно ещё и потому, что во время паводка вода размывает тундровый, неустойчивый берег, в реку падает много деревьев, и на перекатах образуются заломы, всякий раз неожиданно появляющиеся за поворотами как раз там, где ускоряется течение. Если занесёт под залом, считай – пропал. И многие пропадали.

Но для бродяги Куваева эта река (он пишет её с большой буквы, без названия, просто – Река, как позже будет Территория) стала мечтой. “Она стала мерещиться чуть ли не наяву, как что-то очень важное, что нельзя больше откладывать, как нельзя долго откладывать мечту, чтобы мечта не засохла. Я вдруг понял, что просто надо на Реке быть...”

И он добрался до Реки. До того самого, единственного посёлка на её берегу. Сначала посёлок его разочаровал, потому что не соответствовал мечте. Он оказался вполне цивилизованным, с двухэтажными домами, магазинами и уютной гостиницей “из двух комнат, с коврами, приёмниками, современной мебелью”. Правда, пожив в посёлке некоторое время, автор принял его и даже пожалел: “Из-за пелены дождя и тумана посёлок казался маленьким, заброшенным и забытым всеми: начальством, родственниками живущих здесь людей, всем остальным человечеством. Забыли, и всё”.

Зато не разочаровали люди. Они оказались обычными северянами, каких привык встречать Олег Куваев на своём пути. Жили в посёлке в основном оленеводы. Они кочевали со своими табунами далеко в тундре, поэтому посёлок выглядел пустым. Но лодку для сплава писателю найти удалось. Это была старая, полуразрушенная ветка. Что это за лодка? Олег Куваев объясняет: “Ветка получается, когда каюк* делают из досок. Чаще всего трёх. Всё-таки ветка более устойчива, так как имеет узкое, но плоское днище”. Хозяин ветки, которого в посёлке называли странным именем Шевроле, не продал, а просто подарил её Олегу Куваеву.

Надо заметить, что Шевроле в описании Куваева – колоритная личность. Такие люди не забываются. Автор спрашивал у местных, почему кличка такая – Шевроле? Ему ответили:

– Шевроле – это импортная машина. У тебя её нет и не будет. А у него была.

– Когда он послом в Копенгагене работал, – добавил другой.

– Не в Копенгагене. И не послом. Просто он на подводной лодке плавал и получил за подвиг”.

Шевроле в посёлке слыл местной достопримечательностью, легендой. Но при близком знакомстве оказался просто выдумщиком, которому скучно было жить под обычным именем с обычной биографией. И он придумывал себе другую жизнь, правда, прошлую. Соседи поддакивали, хотя давно понимали, что врёт, но им тоже было скучно в обыденности жизни, очерченной границами маленького, глухого посёлка, поэтому делали вид, что верят, и охотно разносили легенды дальше.

И вот, когда пришла пора рассчитаться за ветку, Шевроле от денег отказался, произнеся такую пространную речь:

– Пожалуй, что я у тебя останусь в долгах. Как ты смеялся вчера, когда я тебе про собак рассказывал! А здесь уж никто не смеётся, когда я говорю. Думают, вру. А не поймут, что я вполтину. Я половину жизненно говорю. Не всякий это и знает. А половину присочиняю. Так ты и поступай, как нужно: половину смейся, половину вникай. Де-е-ньги! Ты лучше ишо приезжай. Верить ли, нет: я ночами не сплю иногда, рассказы наружу просются. Приезжай!”

По произведениям Олега Куваева много таких мужичков и женщин разбросано. Он их выпукло и, я бы сказал, вкусно описывает.

Сплав по Реке Олег Куваев начал 13 августа, в самый урез осени, и к закату дня доплыл до охотничьей избушки. Это была уже его стихия. “На столике горела свеча, в ночной темноте шумели деревья, хрустел валежником кто-то неведомый, кто всегда хрустит по ночам, когда ты один. Ветки тальника пахли горько и пряно. Они пахли осенью”.

Автор вроде бы и наслаждается своим душевным покоем и одиночеством, и в то же время думает о том, что “надо жить так, чтобы было кому оставить собаку”. В посёлке ему отдавали собаку, чтобы она была с ним в походе, но он отказался, потому что “за такую дорогу с собакой сживёшься, как с лучшим другом, а бросить её в конце маршрута никак нельзя”. И с собой в коммунальную квартиру взять тоже нельзя. А если и возьмёшь, то при частых поездках оставить собаку не с кем.

А осень действительно наступила. За первую же ночь, оказавшуюся холодной, пожелтели листья и утром покрылись инеем. Надо было плыть. Но он

* Каюк – лодка-долблёнка из цельного ствола дерева. Ещё её называют бат.

не смог покинуть этого места, весь день просидев на возвышенности над Рекой и любуясь открывшимися видами.

Пусть настагает осень, но Куваев не спешит просто плыть, двигаться, измерять свой поход пройденными километрами. Ему важнее прожить эти дни с интересом и пользой для души: вглядываться в окрестности Реки, думать, размышлять, неспешно записывать впечатления. И, конечно же, хотелось приключений. Он и пищи взял минимум: три буханки хлеба, килограмм вермишели и, в качестве неприкосновенного запаса, банку сгущёнки, потому что она высококалорийная. Зачем нагружаться, если имеется ружьё “браунинг” и пятьдесят патронов к нему, есть спиннинг, топор и охотничий нож.

В следующий день пути он проплыл около двадцати километров. Ночевал в палатке. Утром его разбудил рёв моторов – по Реке шли лодки. “И тут, наверное, впервые в жизни, в наивной попытке отступничества от века, я проклял двигатель внутреннего сгорания и того, кто его придумал. Вечером я слышал, как моторки в своём адовом вое прошли обратно другой протокой. И теперь я твёрдо знал, что долго их не услышу. Дальше вниз совхозные рыбаки не плавали. Мы остались с Рекой с глазу на глаз”.

Автору этого очерка тоже доводилось оставаться с рекой с глазу на глаз. Правда, это была Сибирь, но такая же дикая, непролазная тайга. Река была поменьше. Мы, геологи, меняли место стоянки. Сплавились по реке на резиновых лодках. Я отвёз рабочих, затем пешком, со сдвнутой лодкой в рюкзаке, вернулся в верховья и, забрав остатки груза, сплавился уже один. Не буду описывать свои приключения, скажу лишь о душевном состоянии. Душа сначала романтично трепетала, затем успокоилась и затихла, созерцая моими глазами мир реки. Я и сам затих, слушая реку и свою душу. И даже, борясь с перекатами, я оставался счастливым. А к концу пути догадался, что просто понял реку. Я её не боялся, потому что понял и сроднился с ней. Одного точного взмаха весла было достаточно, чтобы поставить лодку в нужную струю, чтобы остановить её, подать назад, обогнуть камень и плыть дальше.

Олег Куваев тоже понял Реку. “В это понимание входили речной шум, тысячные завалы дерева по берегам, наклонённые в воду лиственницы, солнечный свет и хребты, за которыми торчали ещё хребты, а за теми торчали новые. Сюда входили и лоси, которые лежали глыбами на отмелях и, если стукнуть веслом, убегали. Из-под их копыт со шрапнельным свистом летела галька, а рога, чудовищные рога колымских лосей, самых крупных из всех лосей мира, плыли в воздухе тяжело и невесомо, как короны монархов. . . Только теперь я понял, почему все говорили о Реке с оттенком мистического восторга и уважения. Я благословил день, когда решил плыть по ней”.

Эта повесть о Реке – одна из лучших у Олега Куваева (боюсь сказать – лучшая, потому что и другие его повести люблю). Но эта особенная, скажем так. В ней обнажается душа бродяги, неисцелимого романтика. В ней автор откровенно говорит сам с собой. Это сопоставимо с честной исповедью, а то и выше, потому что автор знает: если повесть будет опубликована, то будет прочитана тысячами людей. И лгать себе, а значит, и людям (не знаю, думал ли он тогда о Боге) грешно. Конечно, спасает художественность, вымысел (или домысел), но в “Доме для бродяг” это не ощущается, свою повесть Олег Куваев намеренно пишет от первого лица, чтобы мысли героя “задокументировать”, сделать их реальными, как в документальном произведении. И сделал он это мастерски, в повести действительно его мысли. И его путешествие, его действия в экстремальных ситуациях – правильные и не очень. Но описанные художественно, присущим Куваеву простым, ясным, но хорошо подобранным словом.

“Смытые лиственницы теперь летели мимо меня, как торпеды. А снег всё так же шёл под очень крутым углом навстречу. Есть две заповеди, когда маршрут не получается: “Жми, что есть сил” и “Остановись”. Сейчас было место второй заповеди: остановиться. Поставить палатку. Натаскать как можно больше дров. Сварить сытный обед. Залезть в мешок и переждать. Так я и сделал”.

А ведь он в этом походе дважды чудом избежал гибели. Полез на скалу, где увидел интересный камень (геолог всё-таки!), и сорвался. Разбил голову. Не помнил, как добрался до палатки. Отлежался. И вспомнил о технике безопасности, которую нарушил, отправившись в поход в одиночку. Но в то же время “с отрешённым восторгом подумал, что если суждено где-то погибнуть, то хорошо бы погибнуть так”.

Второй раз чудом избежал гибели, когда его ветка перевернулась. Куваев этот случай в своей повести даже не упомянул, он стал известен только из книги Мифтахутдинова. “На Омолоне ветка Олега перевернулась, – открыл Мифтахутдинов тайну своего покойного (писалась повесть Мифты уже после смерти Олега Куваева) друга. Он потерял ружьё (отечественное, шестнадцатого калибра), рюкзак, НЗ и всё то, что обычно тонет, когда лодка переворачивается. Об этом он мне рассказывал и впоследствии пытался написать, но не написал.

Он вышел из переделки, потому что был опытным полевиком. И не написал об этом только потому, что стеснялся такого приключения. Приключение не делает чести тундровику, а бросает тень на его профессионализм.

Сейчас лодка Олега находится в зале на одном из левых притоков Омолона, стоит вертикально, заваленная брёвнами и лесинами, как памятник”.

Но саму лодку Олег Куваев, похоже, не потерял, перевернул её обратно, вычерпал воду и сплавлялся далее. Её унесло уже позже, когда он закончил путешествие.

После приключения с лодкой его нагнала большая осенняя вода, поднявшаяся из-за нескончаемых дождей. Одежда не просыхала, постоянно донимал холод. Путешественник устал. “Впервые со дня отъезда из дома я захотел увидеть кого-нибудь из людей. Просто так покурить, перекинуться словом”.

И в тот же день он встретил людей. Сначала услышал удар по металлу, затем тарактенье движка. Выстрелил. Услышал ответный выстрел. Это были метеорологи. И это означало конец его путешествия. Он добрался до метеостанции в низовьях Омолона.

Рядом с домиком метеорологов стоял “дом бледно-голубого цвета. Я не заметил его ночью. Он был совсем новый, даже стружки вокруг него не пожелтели”.

Метеорологи пояснили:

– Мало ли кто вниз по Реке поплывёт. Или вверх. Или просто захочет пожить и подумать. Вот ты, например.

– Часто проплывают?

– За три года ты первый.

– Нет, выходит, бродяг?

– Желание странствовать не профессия, а склонность души. Она или есть, или её нет...”

Олег Куваев встретил в этом “доме для бродяг” зиму.

“Река помогла мне понять, – написал он в конце повести, – что нельзя изменить тому, что считал правильным долгие годы. Теперь-то я точно знаю, что сердце моё навсегда отдано тем, кто живёт на окраинах государства. Людям с тихим светом в душе”.

Заснеженный остров, где можно волю думать и мечтать

В феврале 1963 года Олег Куваев осуществил свою давнюю мечту о геофизическом исследовании дна Северного Ледовитого океана со льда. Идея, как можно понять, была в том числе и его, и он долго пробивал возможность её реализации. Наконец, в Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте (СВКНИИ, Магадан), которым тогда руководил (а теперь этот НИИ носит его имя) известный геолог, в то время – член-корреспондент Академии наук СССР Николай Алексеевич Шило, была начата эта работа. Пригласил Шило в институт и геофизика Олега Куваева на скромную должность младшего научного сотрудника.

“... Исследование структур дна Ледовитого океана можно провести, если посадить геофизиков на маленький самолёт Ан-2, которому легко выбрать посадочную площадку”, – писал Олег Куваев в так называемых дорожных записках и размышлениях “Два цвета земли между двух океанов” (Олег Куваев. Сочинения, т. 3. М., Престиж Бук, 2017. – С. 72).

И далее: “Мы проконсультировались с одним из звеньев полярной авиации и получили неожиданное согласие. Лётчики предложили, прежде всего, дополнить самолёт оборудованием: бензиновой выносной помпой, так, чтобы можно было делать дополнительный заправку на льду, поставить навигационные приборы, применявшиеся на тяжёлых самолётах, поставить в самолёте бензиновую печку и увеличить экипаж – вместо обычных двух до пяти человек...”

Работу начали в феврале, когда увеличилось количество светового времени. Эту нелёгкую экспедицию Куваев описал в главе 4-й указанных выше записок. Экипаж на “Аннушке” был знаменитым в среде полярников, первый пилот – Л. М. Бабаков. В 1962 году экипаж на своём маленьком Ан-2, непригодном для дальних арктических перелётов, летал спасать полярников станции “СП-8” и этим прославился. В полётах с Куваевым они вновь отличились: практически достигли полюса, удаляясь от острова Врангеля к северу на 400 километров.

Выполнив работу со льда, прилетели на остров Врангеля, “делали посадки на снег или лёд через каждые шестьдесят километров, чтоб потом уже двигаться между этими точками наземным порядком. Так требовалось по работе”.

Для этого самого “наземного порядка, требуемого по работе”, Олег Куваев с коллегами и застрял на полгода на острове.

Им долго не везло с погодой: двадцать дней завывала пурга. Куваев не терял зря времени: что-то писал, в основном – набрасывал. Писал и письма, например, семье друзей Негребецких:

“Сбылась “мечта идиота” – пишу вам с острова Врангеля. Берег бухты Сомнительной, ночь, хибара, печка, неизменная машинка “Колибри”, в сенях половина туши удивительно жирного оленя. В общем, угля пока вдоволь, бобов и бекона тоже. Жить можно.

Весь февраль летал на самолёте где-то около Северного полюса. Сделал 60 посадок на дрейфующий лёд. Получил материал уникальной ценности (конечно, для тех комиков, кому это надо). Сейчас пока жду погоду и собак. Как только погода будет, поеду вокруг острова на собачках”.

“...Сижу на берегу бухты Сомнительной в небольшой такой избёнке, – писал он тогда же Ольге Кожуховой. – Топлю печку, набиваю чайник снегом да варю чай, жарю оленину на сковородке, немного работаю, немного пишу, много сплю. Хорошо, знаешь, так ходить в рваных штанах и меховой куртке.

Утро начинаю с отработки выстрела “навскидку”, то есть не целясь... А потом трубку в зубы и на койку. Можно думать о разном. Сколько нанять упряжек на апрель? Две или три? Удастся ли сделать на собаках выезды на дрейфующий лёд на 50–70 километров от берега?... О красотах Врангеля напишу, когда объеду его на собаках...”

Сейчас можно удивляться, но в 1963 году Олег Куваев, находясь на острове Врангеля, получал письма с материка. За полгода пришло несколько. Почта и там работала стабильно, насколько позволяла погода! Доказательства? Выдержка из письма Куваева Ольге Кожуховой от 28 марта 1963 года: “Только что принесли письмо. Какой-то шальной самолёт прилетел в 11 ночи, скинул почту. Это уже второе письмо от тебя”.

Конечно, не только трубку покуривал Олег Куваев, лёжа на кровати в своей “хибаре” на острове Врангеля. Ходил на охоту, на которой хватил приключений. Отправились они практически налегке, решив добыть оленя. Встали на лыжи и пошли. Перед этим на острове бушевала пурга, снег сдуло, склоны гор оголились и покрылись коркой льда и фирна. Оленей они увидели именно на горах, поэтому были вынуждены оставить лыжи и карабкаться по скользким склонам наверх, чтобы подойти на верный выстрел. Лезли, как описывал Куваев, так: “в одной руке – карабин, в другой – нож; карабин втыкаешь окоеванным концом приклада, нож – лезвием. Так и ползёшь на четвереньках”.

Олени увели их километров за восемь от места первой встречи, поэтому, когда они одного всё же добыли, пришлось рубить его на части и нести мясо в руках, потому что рюкзаки оставили внизу. Рукавиц у них тоже не было, “драные кожаные перчатки у дураков только”.

“Как мы спускались – это идиотизм... Один парень сорвался и полетел вниз... Потом шли пешком по снегу к лыжам, потом они ломались, потом один парень сдал... в общем, шагали с добычей, держа курс по звёздам, сквозь тундру. Хорошо было, хоть я хилый, прокуренный и пропитый, но рюкзак носить ещё, оказывается, не разучился. Ну и слава богу” (цитаты из письма О. Б. Кожуховой от 28.03.1963).

Впрочем, приключений на острове Олегу хватило за глаза. Когда пришли собачьи упряжки, а их было четыре, поехали делать свою геофизическую работу. Её Куваев описал в дорожных записках и размышлениях “Два цвета земли между двух океанов”. Впрочем, о собственно работе он писал мало, всё больше рассказывал о собаках, каюрах-эскимосах и своих дорожных впечатлениях.

Итог этой рабочей поездки на собаках оказался печальным: Сергей, один из коллег Куваева, загрипповал, а сам Олег подхватил воспаление лёгких, потому что не единожды охлаждал потное, разгорячённое бегом тело, скидывая и парку, и меховую куртку. Здесь же, на острове, он почувствовал и боль в сердце, возможно, впервые. “Что-то барахлит ноне сердце. Ходил на днях на пик Берри. Глотал валидол...” — писал он в феврале-марте 1963 года друзьям Негребецким.

Им же, Негребецким, он сообщил и некоторые подробности лечения своего воспаления лёгких (в письме от мая 1963 года):

“...По приезде местный фельдшер стал лечить меня наоборот. Я понял, что отдаю концы, сел на вездеход и поехал в бухту Роджерса. А там врач Валечка стала лечить меня пенициллином и женским вниманием, я так скоренько и пошёл на поправку”.

Олег Куваев описал своё лечение на острове и врача Валечку в рассказе “Чуть-чуть невесёлый рассказ”. В нём между больным и доктором возникает симпатия, но оба не дают развиваться чувствам.

Помимо прочего, врач Валечка (которая, к сожалению для Куваева, оказалась замужем, хотя в рассказе она холостая — так требовалось для сюжета) предположила у Олега зачатки туберкулёза и предложила ему лететь на мыс Шмидта на рентген. Он ей не поверил (“Какой, к лешему, туберкулёз при моей роже?”), хотя, как он сам признавался, и ранее врачи советовали ему сходить на рентген, намекая на возможный туберкулёз.

Олег Куваев всё это отринул, долечился у Валечки и продолжил работу. Но... Опять же это “но”. Усталость от работы, холодов и болезней всё чаще наводила его на грустные мысли. А на острове было достаточно времени, чтобы крепко поразмыслить над жизнью.

“Я устал от этих полярных впечатлений, — писал он с острова сестре Галине Михайловне Куваевой. — Ну, летаешь со знаменитым экипажем полярной авиации — ну, и что? И то, что тебя запросто могут свозить на Землю Франца-Иосифа, тоже чепуха. И то, что в марте будет возможность слетать на одну из СП, хорошо, конечно, но не в этом счастье. Короче, надо кончать”.

Надо кончать с Севером — вот мысль, которая всё чаще и чаще посещает Олега Куваева.

“Сегодня мне достали новую полуметровую финку, — опять же сообщал он сестре. — Лежит она на столе передо мной и блестит. В другое время я бы плясал от радости и скорей бы торопился в экспедицию, чтобы финку на бок нацепить. А сейчас наплевать мне и на финку”.

О себе в третьем лице (снава сестре): “Заела Куваева работа и опрощенство. То, что при такой жизни писателя из меня не выйдет, — это точно”.

Стать профессиональным писателем и вольным бродягой — вот главная мечта Олега Куваева. Ходи, где хочешь и когда хочешь, и пиши, пиши вволю, не оглядываясь ни на что.

Двумя годами ранее он уже бросал Север, увольнялся из Северо-Восточного геологического управления и уезжал в Подмосковье, в Костино (окраина города Калининграда, сейчас Костино входит в черту города Королёва, бывшего Калининграда Московской области), где у них с сестрой имелась маленькая квартирка (сестра Галина в это время жила с семьёй в Грузии). Но, пожив немного на материке, затосковал по Северу, захотел вернуться и, узнав, что в Магадане образован Северо-Восточный НИИ, написал его директору Николаю Алексеевичу Шило письмо с просьбой взять на работу. Шило принял его с удовольствием и поручил заняться Ледовитым океаном и его островами. Любой геолог или геофизик обзавидовался бы!

Перед отъездом в Магадан, в мае 1962 года Куваев писал Ольге Кожуховой:

“...Укладываю шмучочки, собираюсь на эту забытую богом и людьми землю. Решил кинуть ещё пару лет под ноги науке. В Магадане жизнь спокойная, уединённая. Авось напишу что-либо путное. Хватит перебиваться рассказчиками, надо писать покрупнее”.

Как видно из приведённых строк, в первую очередь он думает о писательстве, но не о науке. Хотя и в науке показал себя достойно. Н. А. Шило уважал Куваева, даже предоставил ему в Магадане квартиру, в которой тот прописался.

Мне, автору этого очерка, довелось разговаривать с Николаем Алексеевичем Шило в Петербурге, в стенах ВСЕГЕИ во время геологического съезда,

даже имеется фотография с той встречи с академиком. Завёл я разговор и о Куваеве. Шило оживился, стал вспоминать, приводя в адрес Олега Михайловича приятные эпитеты. Смысл их такой: из Куваева мог бы получиться замечательный учёный-геолог, его работа по геофизической съёмке дна Ледовитого океана и почти не исследованной территории между устьями Индигирки и Колымы заслуживает всяческих похвал, она равнялась открытию. “Но он мечтал стать писателем. И я его понял, а потому отпустил”, – заключил Николай Алексеевич.

Отпустил он его в 1965 году, а мы здесь продолжим говорить о времени пребывания Олега Куваева на острове Врангеля, о его мыслях и мечтах.

Он маялся, не знал, что предпринять: продолжить работу в геологии или же бросить её и посвятить себя литературному творчеству. А для этого надо уехать. В Москву он не хочет. В Магадан? Тоже не хочется: “Мне до чёртиков надоел Магадан и Север, – пишет он сестре. – Ну его к лешему. В институте очень благоприятная обстановка: мне отдали Чукотку и острова. Года через три помимо воли будешь кандидатом. Но как подумаю про эти три года – повеситься охота. Три! Года! Может, всё же, потерпеть? Можно каждый год летать в отпуск месяца на полтора. В общем, надо решать. Или туда, или сюда”.

Ей же: “Работать в геологии в столице не хочу. Это твёрдо. Если быть в геологии, то только здесь. Если уеду из Магадана, то уйду профессионально в литературу. Силёнку и желание пока чувствую. Как твоё мнение на это дело?”

Вернувшись с острова летом 1963 года, он попал под обаяние Николая Алексеевича Шило и продолжил работу в институте по своей теме. В 1964 году опять посещал остров Врангеля. Кстати, прошёл рентген, после чего похвастался сестре: “Здоров, как бык, всё это были просто бредни насчёт лёгких”. Но на всякий случай бросил курить. Правда, ненадолго.

А раздвоение осталось. И вылилось, в конце концов, в увольнение из НИИ и переезд из Магадана на материк, в Костино. В окончательный переезд. Теперь в Магадане, и вообще на Севере, он будет только наездами.

Романтика без регламента, или Тайна гигантского медведя

В повести “Не споткнись о Полярный круг” Олег Куваев описал своё отношение к работе в геологии и вольному романтическому бродяжничеству, о котором мечтал:

“...Геологи не идут туда, куда хочется. Маршрут заранее жёстко проложен по карте. И в конце каждого маршрута остаются синие сопки, которые манят к себе, потому что к ним нет времени идти. Кто знает, может быть, именно сегодня ты прошёл мимо самого отчаянного, самого интересного в жизни приключения? Романтика бывает разная. Самая беспокойная из них та, которая не терпит маршрутов, жёстко проложенных по карте” (Олег Куваев. Сочинения. Т. 1. Повести. – С. 163).

Для Куваева это стало смыслом жизни: романтика без жёстких маршрутов. Поэтому он ушёл из геологии, сбежал, как он позже признавался. Уехал сначала в Москву, затем на юг, в Темрюк, где до этого купил дом и где “есть Азовское море – тёплая лужа солёной воды”. Писал повести для книги “Весенняя охота на гусей”, знакомился с женщинами, пил дешёвое местное вино, радовался свободной жизни.

“Кажется, начинается полоса дождей, – писал он в августе 1965 года сестре Галине в Грузию. – Это хорошо. Можно сидеть дома и работать, благо, действительно, вечера и ночи у меня сейчас совсем свободны, и можно хорошо работать по ночам”.

В самом начале 1966 года он опять в Подмоскovie, обменял свою комнату на другую, о чём сообщал сестре в феврале 1966 года: “Пишу из новой избы. Она ничего изба, но как-то совершенно чужая. Я прямо с тоской вспоминаю ту комнатку, до того там всё было мне [знакомо], и я знал, где что лежит, и всё было привычно упрощённо, как в палатке, что ли. Соседей нет, они где-то шляют, в квартире я один. Одно хорошо – газ. Очень удобно. Но в общем-то старая плиточка с успехом его заменяла”.

Его литературные дела начали успешно продвигаться. В издательстве “Молодая гвардия” вышла книга повестей и рассказов “Весенняя охота на гусей” тиражом 65 тысяч экземпляров. В Новосибирске ожидала своей очереди на 1968 год книга избранного в серии “Молодая проза Сибири”. Олег Куваев

состоял в редколлегии этой серии, чем, похоже, дорожил. Ожидал он и публикаций в журнале “Вокруг света”. Кроме того, “что-то заваривалось”, как он выразился в письме к писателю и краеведу из Братска Октябрю Леонову, с “Мосфильмом”.

“Фамилию приобретаю”, – горделиво и, конечно, несколько иронично, чтобы это не показалось хвастовством, писал он далее Леонову.

А вечерами обдумывал очередные планы путешествий, попыхивая трубочкой. В первую очередь его занимали мысли о “серебряной горе” и гигантском медведе-кадьяке на Чукотке. О медведе ему впервые рассказали олениводы из Чаунской долины. Он тогда не очень им поверил, но вскоре вычитал в книге бельгийского зоолога профессора Бернара Эйвельманса “По следам неизвестных животных”, что ещё в 1897 году было известно о существовании самого крупного в мире хищника – огромного бурого медведя, обитающего на Камчатке, в Северо-Восточном Китае и на Сахалине. Крупный медведь-кадьяк встречается и на Аляске. Эту информацию напрямую подтверждала книга канадского писателя Фарли Моуэта, записавшего несколько то ли слухов, то ли легенд о громиле-медведе от ихалмютов – континентальных эскимосов Аляски.

“Совпадение с тем, что я слышал от пастухов семь лет тому назад, было просто поразительным, – воодушевлённо писал Олег Куваев в своих дорожных записках “Два цвета земли между двух океанов”. – Следовательно, легенда о каком-то необычном медведе, обитающем в горах Чукотки, не миф, а если миф, то достаточно распространённый для того, чтобы проникнуть [медведю] по ту сторону Берингова пролива... В то время я ещё не знал, что не столь уж давно в Берлинский зоопарк был доставлен с острова Кадьяк экземпляр медведя фантастических размеров, весивший более тысячи килограммов. Этот медведь был отнесён к новому виду гигантских медведей и получил название от острова: медведь-кадьяк”.

Информация о буром гиганте настолько поразила Олега Куваева, что надолго заняла все его мысли. Он загорелся идеей разыскать кадьяка или его родственника на Чукотке или Камчатке. Тут же написал письма профессору Эйвельмансу в Париж и Фарли Моуэту в Канаду. “Я сообщал им информацию, полученную от пастухов, и просил высказать их точку зрения в данном щекотливом деле. Кроме того, я написал в посёлок Марково на Южной Чукотке охотоведу и медвежатнику с тридцатилетним стажем Виктору Андреевичу Гунченко”.

Фарли Моуэт ответил быстро. В письме он не только согласился с возможностью нахождения гигантского медведя на Чукотке, но и сообщил некоторую информацию ещё об одном медведе – пещерном. Канадец питал надежду, пусть и слабую, что “небольшое число пещерных медведей существует и сейчас. Их передние зубы огромны и высовываются наружу наподобие зубов вымерших саблезубых тигров. И если это так, то я поискал бы их именно в горных районах Верхоянска, Колымы и Анадыря...”

Олег Куваев как геолог хорошо знал отлаженную систему геологических исследований в Советском Союзе – при такой системе белых пятен не оставалось, геологи прошли буквально мимо каждой скалы, по каждому ручейку. Опять же геодезисты и топографы – они-то уж точно нанесли на карту все объекты и изгибы местности. Где спрятаться невиданному зверю?

И всё-таки в нём зародилась мечта. “Медведь – живой зверь, он уклоняется от встреч с людьми, будь то геолог, топограф, этнограф или другой экспедиционный человек, – размышлял писатель. – И все они не более как гости в полярных горах и тундре”. А значит, “можно предположить, что у нас существует редкий и малочисленный вид гигантских медведей вроде медведя-кадьяка...”

Вскоре пришло письмо и от Эйвельманса. Он в существовании гигантских медведей не сомневался, но не мог утверждать, что они обитают и на Чукотке. Аляска – вот его местонахождение.

Но с этим Олег согласиться не захотел. И тогда решил действовать, лететь на Чукотку. Причём немедленно. Выбор пал на озеро Эльгыгытгын в центральной части Анадырского нагорья. “Даже геологические экспедиции здесь бывали краем, – обосновывал свой выбор Куваев. – И если где-то бродит канадский аклу или кадьяк, то и чукотский аклу запросто мог сохраниться среди сотен глухих горных долин, окружающих озеро, – писал он. – Надо сказать, что само озеро числилось у чукотских старожилов легендарным. Ходили

слухи о невероятных рыбах, обитающих в нём. О “стадах медведей”, пасущихся на его берегах. Даже магнитное поле Земли вело себя здесь неразумно: отклонялось на семнадцать градусов. В общем, я выбрал за исходную точку озеро Эльгыгытгын и принялся за организацию экспедиции”.

В командировку его направил журнал “Вокруг света”. Редакция не могла пройти мимо возможной сенсации – обнаружения необычного гигантского медведя.

В июле 1967 года Куваев прилетел на озеро. “Я не знаю, с чем его сравнить, – писал Олег. – Пожалуй, если вылить флакон не очень густых чернил на ослепительный лист бумаги – это будет как раз. Круглое озеро лежало в круглой земной чаше. По бокам частоколом, как кончики пальцев чьей-то руки, торчали конусовидные сопки”.

Гигантского медведя он не нашёл, хотя очень старался, добросовестно ходил в маршруты. Неудачу он объяснял так: “Времени, которое я провёл на краях Обручева, вполне хватало, чтобы понять главную ошибку моего плана, которая и осталась бы ошибкой при самых благоприятных прочих условиях. Мне нельзя было вести поиски одному. Если бы нас было хоть четверо! Каждый мог бы взять себе район в наблюдение и осматривал бы его, как осматривают охотники линию капканов – по кольцевым маршрутам... Но я был один, и не было здесь всеведущих пастухов, и снежное лето 1967 года бушевало над озером Эльгыгытгын”.

Мечту о медведе-кадыке он оставил или спрятал глубоко в себе. Фарли Моузт в следующем письме предлагал искать медведя вместе, но Олег уже увлёкся другой мечтой – Серебряной горой, которую также искал вблизи “Озера нетающего льда” – Эльгыгытгына. Впрочем, озером “нетающего льда” назвал этот необычный водоём не Куваев, а его друг Альберт Мифтахутдинов. Уже после смерти Олега он в очередной раз пошёл по его маршруту, прилетев на озеро. И написал повесть, которую и назвал “Озеро нетающего льда”.

Предчувствие Территории

Олег Куваев оказался на той самой “территории” в нужное время. История открытия чукотского золота была тогда совсем свежей, к тому же он и сам имел к этой истории непосредственное отношение как геофизик. Как было не писать о таком грандиозном эпохальном деле! “Кто, если не я”, – считал он, хотя подступаться к теме было вообще-то боязно – уж больно она непростая, масштабная, героическая, но и, что правда, романтическая. И книга должна быть такой!

А началась история с того, что на Чукотке геологи постоянно находили в речных отложениях знаки золота, но это была мелочь, даже для диких старателей не годилась. Соседняя Колыма давно была золотой, а Чукотка славилась исключительно оловом. Как писал Куваев в своих так называемых дорожных записках и размышлениях “Два цвета земли между двух океанов”, “к началу сороковых годов интерес к чукотскому золоту угас. В районе Певека были найдены богатые месторождения олова, а одна из геологических концепций гласит, что олово и золото трудносовместимы в одной геологической (металлогенической) провинции”.

Потому и угас интерес – раздражали геологов единичные мелкие золотые знаки Чукотки. Они манили, а потом оказывались пустышкой. Только внимание отвлекали. Вот и опять в 1940 году геолог Р. М. Даутов обнаружил в отложениях реки Ичувеем, что северо-восточнее Певека, слабое весовое золото. Слабое, никчёмное, как обычно. Но через три года эту реку копнул другой геолог и по совместительству писатель Г. Б. Жилинский и обнаружил в отдельных местах бассейна Ичувеема нормальное весовое золото. Кто бы мог подумать! Написал об этом докладную записку начальству. Но наверху скептически махнули рукой: всё равно это, скорее всего, мелочь... К тому же шла война, зачем распыляться, когда Чукотка была сконцентрирована на стратегическом металле – олове. А золото вволю давала Колыма.

Но после войны, в 1949 году к реке Ичувеем вернулись самые упёртые геологи, оптимисты, которые мыслили по-иному, считая, что должно быть золото на Чукотке. Это были, например, начальник партии Чаунского геологуправления В. А. Китаев и геологи Ю. П. Хромченко и А. К. Власенко. Они и открыли хорошую россыпь весового золота на Ичувееме. А главный инженер

Чаунского геологического управления Н. И. Чемоданов документально обосновал необходимость постановки там целевых разведочных работ. Но вот беда — денег на них не давали. “Принесите мне это золото, хотя бы с килограмм”, — дал тогда задание Чемоданов Китаеву. И в 1953 году они его принесли — ровно килограмм намыл на Ичувееме прораб-геолог Власенко. Вот тогда и началось! Россыпи стали открывать там и тут. Многие опять же открывались при участии Власенко. Так появилась Территория! Но пока географическая, точнее — металлогеническая.

Олег Куваев тоже имел непосредственное отношение к исследованию россыпей Ичувеема. Мало того, именно он, начав работать в 1958 году в Чаунском геологическом управлении, положил начало геофизическим исследованиям на Западной Чукотке вообще. Как свидетельствует ветеран Северо-Восточного геологического управления, заслуженный геолог России Юрий Васильевич Прусс в своей книге “Геологическая служба Северо-Востока России, 1931–2014” (Магадан, Охотник, 2017), Олег Михайлович Куваев проводил вертикальные электрические зондирования (ВЭЗ) в долине р. Ичувеем. “Работы были направлены на определение мощности рыхлых отложений при поисках россыпных месторождений золота. Позже он проложил гравиметрический профиль через Чаунскую низменность, Чаунскую губу, до острова Айон”.

В результате всего комплекса работ — и геологов, и геофизиков — на Чаунской низменности было открыто уникальное по запасам (10 тонн) Чаунское золотороссыпное месторождение.

Как после этого Куваеву было остаться равнодушным ко всей этой истории? Никак. Он и начал копаться в ней, выискивал факты, делал выписки. Вспомните начало романа “Территория”: он начинается с “всестороннего описания предмета”, то есть золота. А затем — вступительная статья (не глава) “Примечание к маршруту”. Автор объясняет, что это такое — Территория, как до неё добраться. Рассказывает о Посёлке и населяющих его странных людях. Он задаёт интригу, заманивает читателя, берёт его в полон. С тем и начинается роман.

А писался роман трудно. Хотя о работе над романом нам здесь ещё рано говорить. Куваев этот свой роман пока только чувствует. Да-да, автор задолго до того, как сядет за работу, начинает ощущать в себе некий зовущий гул, постепенно переходящий в зуд, а затем уже в непреодолимое желание сесть за работу. Вот и в Куваеве долго копился гул. Его рассказы, даже повести — всё это стало казаться мелочью, потому что рядом лежала большая и важная тема. Большая и важная. Но было страшно даже думать о ней, хотя писатель понимал, что именно она выведет его в первые литературные ряды.

“Видишь ли, Мирон, — писал Олег Куваев своему другу, магаданскому врачу-психиатру Мирону Этлису, — скажу тебе совершенно искренне и без малейшей рисовки. Если бы некий там джинн предложил мне на выбор написать хотя бы одну действительно хорошую книгу и плохо кончить в 45, или не написать ничего путного, но прожить до 80, я бы без секундного колебания выбрал первое. Это не сегодняшняя мысль и даже не вчерашняя. Видно, это и помогло мне вырваться из эдакой нирваны гения областного подчинения...”*

Это писалось в ноябре 1971 года. Скоро-скоро Олег Куваев основательно сядет за свой роман. Но пока больше раздумывает, чем пишет. И, кстати, предсказывает с ошибкой всего-то в пять лет свою славу и свою смерть “после хорошей книги”.

Пишет он и том, что мысль эта “не сегодняшняя, и даже не вчерашняя”. Ещё десять лет назад, точнее — девять, в 1962 году он в письме к Ольге Кожуховой сообщает примерно об этом же: “Хватит перебиваться рассказиками, надо писать покрупнее”.

Писать покрупнее... Но о чём? Конечно, о розовой чайке. Он тогда загорелся этой романтической темой — розовой чайкой. Долго носился с темой, рассказывал о ней друзьям, мысленно видел не повесть даже, а роман, но в результате вышла всё-таки повесть. Очень чистая, добрая, романтическая, но всё же повесть. Сам он считал, что “затрепал” тему. И боялся, как бы не

* Здесь и далее выдержки из писем О. М. Куваева и его корреспондентов даются по тексту книги “Олег Куваев”, т. 3. “Дорожные записки и размышления. Книга писем”. М., Престиж Бук, 2017.

затрепать и эту, о золоте Чукотки. Она гудела в нём, просилась наружу уже в 1970 году. И он отвечает в том же году на письмо Евгении Ивановой: “Ну, и самое главное, о так называемом романе. Если ты действительно хочешь, чтобы хоть что-то вышло, — перестань об этом трепаться. Я, Женя, не дам тебе сделать из этого какую-то игрушку для заполнения дырки в душе, не заполненной церковно-приходскими хлопотами и эстетическим минимумом. Действительно, прошу извинить за резкость, но это именно так. Я слишком много об этом трепался, кретин расхлыстанный, хотя уж мне ли не знать, что нельзя об этом трепаться... Да, поздноато я начал. В результате кристально чёткое понимание цели с весьма и весьма ограниченными возможностями её достижения (если не утраченными безвозвратно). И тем обиднее, что с годами понимание цели становится всё яснее”.

Слова “и тем обиднее, что с годами...” можно понять так, что в них пропущено одно очень важное слово — “только” — “только с годами понимание цели становится всё яснее”. То есть, упущено много времени, а время — человеческая жизнь, для жизни времени всегда не хватает. Уже после того, как роман “Территория” вышел в журнале “Наш современник”, Олег Куваев признавался в том, что “был период, когда я действительно хотел написать историю открытия чукотского золота”. Он и материал собирал добросовестно и скрупулёзно. И понимал, что это большой труд, обобщающий все геологические отчёты, все судьбы работяг геологии. “Работа подобного рода, — писал он, — требует скрупулёзности вероятно большей, чем составление геологического отчёта. Материалов у меня было многие папки, но я счёл их недостаточными и начал копать очевидцев с самых дальних времён. В результате я оказался в таком мире интриг, склок, самолюбий, что понял — если я опубликую подобную работу, мне не выбраться из дряг до конца своих дней. Я не Тильман, и у меня нет позыва орать на многочисленных конференциях, отстаивая неизвестно чью точку зрения. Посему выбрал точку зрения свою и написал роман — сугубо художественное произведение, прототипы которого собраны из Прибалтики, с Памира, в Москве и на Чукотке”.

Но роман ещё впереди, а к лету 1971 года гул захватившей его темы вырвался, кажется, наружу. Причём гул сугубо художественный. “Я задумал сейчас такую штуку — аж сам боюсь, — признаётся он другу писателю Юрию Васильеву, хотя “штуку” никак не называет, потому что действительно боится. — То есть я всегда знал свои возможности, и знаю, что в полном варианте я её не вытяну. В половинном бы хоть вытянуть. В тишину бы куда... Наверное, лопнут нервы, и сбегу я на Эльбрус. Сосны там растут. Здоровые люди кругом ходят. Неврастников нету. Вершины снежные торчат. Воздух есть. И главное: нету автомобилей...”

Он хочет то на Эльбрус, то на Памир, то в Магадан и Певек, а то и на Омолон. Куда угодно, лишь бы не садиться за письменный стол, за машинку, и не писать задуманную “штуку”. И он действительно рванул сначала на Эльбрус, затем смотался на Памир, в конце лета 1971 года полетел в Магадан, посетил Сеймчан, Омолон, сплавился с Игорем Шабариным по Олою, после чего через Черский вернулся в Магадан, а затем съездил в Мотыклей. Одним словом, оттягивал работу над романом, как мог. Или, наоборот, накапливал духовные и физические силы перед большой работой, потому что гул начал перерастать в зуд, и вот он уже пишет заявление в Литфонд с просьбой поселить его в Доме творчества в Коктебеле для написания романа. Но не едет в Коктебель, а опять летит в Магадан, Терскол, затем в Минск. Когда же он сядет за работу, в конце-то концов?

“Роман надо писать”...

Писать роман надо. И уже хочется. Но как они пишутся, эти романы? “Я написал десять страниц, и уже дело к концу идёт, — сознаётся обескураженный Куваев в письме писателю Юрию Васильеву. — Страшно мне, что ещё страниц двести надо катать”.

Но сесть и, не отрываясь, “катать” у него не получается. Если это Подмосковье, то не дают частые визиты друзей. Или их просьбы. Борис Ильинский заказал курительную трубку, Олегу пришлось мотаться по Москве, искать подходящую. Не дают сосредоточиться и дальние, долгие поездки. Как раз в это время утвердили его сценарий, причём в двухсерийном варианте,

на телевизионный фильм “Идущие за горизонт”. Работала над фильмом белорусская группа, и ему, сценаристу, приходилось ездить в Минск. Но не только. Главный редактор студии собрала команду и вместе с Куваевым двинулась на Колыму посмотреть фактуру. Опять потерянные дни. Кроме того, как раз в это время он сдавал в издательство “Современник” свою книгу повестей и рассказов. И так далее — отвлекающих моментов было много.

И всё же роман потихоньку писался. Автор даже начал думать над названием. “Нет названия для романа, — жалуется он в письме Борису Ильинскому в июне 1971 года. — Было “Иди на Восток”. Но вспомнил, что есть пресловутый советский бестселлер “Иду на грозу”. Для названия романа особая статья. Оно должно или информировать читателя или утверждать. Я перебрал названия всех любимых романов, и так оно и есть. Пока рабочее у меня “Часть божественной сути”, Дело в том, что люди, делавшие Чукотку и Колыму, были всё-таки полубогами. Это так, Боря...”

Но это название будущего романа быстро уходит из его головы. И в это же время приходит мысль о том, что не надо писать документальный роман, а надо именно художественный. “У романа свои законы, у документальной истории свои”, — заключает Олег Куваев.

Но летом 1971 года ему всё ещё не пишется, он весь в разъездах. Осенью опять разъезды. А в ноябре — сдача книги в “Современник”. К тому же, “магданский гость озверел”. Он так и пишет Ильинскому: “озверел”. И поясняет: “Валит косяками, табунами и пачками. Со всеми говорить надо, коньяк откупоривать”.

В декабре он плюнул на всё и улетел в Терскол. Там он здорово отдохнул, загорел, пришёл в себя, вдоволь накатался на любимых горных лыжах. И накатал (любимое словечко) первые сто страниц романа. Точнее, как он сам говорил, “предварительного черновика романа”. И придумал ему другое название — “Там, за холмами”.

В январе 1972 года вернулся в Москву и тут же собрался в Минск. Телефильм по его сценарию отнял у него почти весь 1972 год и всё-таки вышел на телеэкраны. Работать над романом приходилось урывками. Но это был уже второй его вариант. Первый, практически документальный, так и не устроил автора. И опять в нём сомнения: “Я для такого романа не готов. Маленький я ещё. Есть идея, и готовится материал для второго романа, который символически можно назвать “Уход”*.

Второй вариант Куваева также не устроил, и в январе 1973 года он начинает его заново в третьем варианте. Переделки существенные. В письме к Борису Ильинскому он поясняет: “Большая открывается бездна неувязанных концов, недоведённых типов, невыясненных ситуаций, а уж про сквозную атмосферу и жёсткость формы и говорить нечего. Я впервые в жизни понял, как можно над одной книгой работать десять лет. И это при всём при том, что он вполне годен для чтения и даже публикации. Не знаю: вот у меня ещё два месяца, два с половиной. Буду просветлять и либо зайду в тупик — “все недостатки вижу, но сделать ничего не могу”, — либо плюну и действительно буду ещё года два над ним сидеть. История шибко жестокая для читателя, ибо, если я добьюсь того, чего хочу, то читатель должен понять, какое он дерьмо. Для истинного дерьма это как с гуся вода, но колеблющемуся поможет, устремлённого утвердит”.

В начале февраля 1973 года Олег Куваев уезжает в Терскол, чтобы работать там над четвёртым вариантом романа. Поселяется он на втором этаже “хитрого особняка, именуемого “Эльбрусское лесничество”. Дом этот назвать иначе, как особняк, язык не поворачивается. Сложен он из дикого камня, но с таким умением, что его (дом-то) и в Ницце не стыдно иметь. А живу я тут в угловой комнатухе — два окна, одно на восход, второе на закат. Одно слово — красиво”.

В своей комнатухе он плотно сидит над “черновиком четвёртого варианта”, но подумывает уже о пятом, так как “нюанса нет”, то есть интересных деталей. Но это уже мелочи, по большому счёту, роман готов, он хочет везти его в Москву “на машинку”. И отвозит, но почти сразу возвращается в Терскол, доделывать третью часть романа.

В мае 1973 года Олег Куваев возвращается в Москву. Просматривает напечатанное на машинке и опять остаётся неудовлетворённым:

* Речь идёт о зародившейся идее романа “Правила бегства”.

“Думал, что привёз я домой Роман, а сейчас вижу, что привёз так... сочиненьице. Лежит оно в перепечатке, в понеделник, наверное, раздам по адресам. Но придётся вернуться к нему ещё раз... В нём всё на месте, всё правильно, но теперь надо придать ритм – беспощадно вычеркнуть все длинноты и добавить некую ярость”.

В эти дни ему в голову приходит новое название романа – “Серая река”. Оно ему нравится и словом “серая”, и словом “река”. Причем “река” – действующее лицо, как утверждал автор. А вот почему “серая” – мало кому понятно до сих пор. Гипотезы есть, точного ответа нет.

В сентябре 1973 года роман отпечатан на машинке начисто. И опять многое не нравится автору, и он подумывает о шестой его переработке. “Осталось добавить ту неправильность, тот выверт текста, который может дать лишь талант, – пишет он опять же Ильинскому, с которым многим делится. – Для этого надо выбрать момент, сейчас переписывать его я не могу. И месяца три ещё не смогу. Может быть, весной уеду на Чукотку и там, в избе, в тундре и сделаю. Надо дать блеск. Сейчас я могу утверждать, что такого романа в советской действительности ещё никто не давал. Но это всё технически. Сейчас нужен блеск”.

Слава Богу, Олег Куваев понимает, что роман необычен. Нет такого в советской литературе. Это одновременно производственное и романтическое произведение, зовущее жить по совести и каждый день проживать, как последний.

Как раз в это время, в октябре 1973 года Альберт Мифтахутдинов прислал Куваеву свою знаменитую “Великосветскую анкету”, в которой просит ответить на ряд вопросов. Среди них есть вопрос номер шесть: “Что представляет собой новый роман, только что тобой законченный?” И Олег Куваев отвечает. Оказывается, сам он так понимает свой роман:

“Внешне – это открытие золотоносной провинции. Но сие – сугубо внешне. С равным успехом можно было писать о каменном угле, участке леса для разработки и т. д. Внутренне же это история о людях, для которых работа стала религией. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: кодекс порядочности, жестокость, максимализм и божий свет в душе. В принципе, каждый уважающий себя геолог относится к своей профессии, как к символу веры. Производственных романов много. Отличие моего, что герои его веруют ещё и в свой образ жизни как единственно правильный. Таким образом, Арктика, работа и личная жизнь образуют некий единый компот, в котором невозможно выделить составные части.

Законченным роман я не считаю. Слово является всё-таки музыкальным инструментом. Само построение фразы способно вызывать у читателя эмоции. Мне кажется, большинство, работая над романом, увлекаются сюжетной и психологической стороной дела, забывая о возможностях слова, которыми владеют рассказчики. Я говорю о “средних” литераторах. В то же время есть ведь блестящие стилистические образцы романов. Из близких нам Ремарк, Хемингуэй, Фицджеральд, а как написан “Иосиф и его братья”^{*}! Романист я начинающий и, наверное, надо вначале действительно написать роман (сейчас вот это шестой вариант), а потом сесть и переработать его стилистически, чтобы каждая глава была отделана с тщательностью рассказа”.

Ещё весной 1973 года Олег Куваев принёс свой роман в редакцию литературного журнала “Наш современник”. Рукопись понравилась. Когда роман вышел, и стало понятно, что он будет иметь большой успех, главный редактор журнала Сергей Викулов, по свидетельству Альберта Мифтахутдинова, “пообещал Олегу опубликовать его рукописи, которые пока ещё лежат в портфеле журнала, в самое ближайшее время”.

Но сам Олег Куваев был не очень-то доволен отношением редакции “Нашего современника” к роману. “Одобрели в целом, – писал он Альберту Мифтахутдинову 31 мая 1973 года, – но дали просьбу таких поправок, когда вместе с водой выплескивается ребёнок. То есть я должен свести его до уровня любой из своих повестей. А мне ведь не сводить, мне вверх лезть надо. Не в ту сторону они меня тянут. Романист я, конечно, никакой. Первый опыт.

* “Иосиф и его братья” – роман-тетралогия Томаса Манна, написанный в 1926–1943 годах и детально пересказывающий известную библейскую легенду об Иосифе Прекрасном.

Но ведь надо и первый опыт. Сейчас переделываю то, чем недоволен сам. Лежит он в “Молодой гвардии”. Ланщиков написал очень хорошую рецензию. Падерин* сделал то же. А мне просто надо найти хозяина, который драл бы с меня семь шкур, но тянул на улучшение, а не на ухудшение романа. Вот тогда и будет хорошо”.

Но как бы то ни было, именно в “Нашем современнике” впервые вышел роман Олега Куваева, и вышел под названием “Территория”, а не “Серая река”. Похоже, идея этого названия пришла автору в самый последний момент. И выстрелила! Какая там “Серая река”, если в романе отчётливо звучат “Территория”, “Посёлок”, “Город” и т. д. — всё это указывает на точные географические места действия, обобщает идею, сам сюжет. Конечно, именно “Территория”! Но автор понимал, что нельзя по большому счёту привязать Территорию только к Чукотке, хотя в романе описана именно она. Территория может быть своя (своя!) у любого человека. И совсем не Чукотка. Территория — это кому-то мечта, кому-то — сладкие воспоминания, кому-то — тяжкие, но результативные годы. У каждого Территория своя! У меня, например, их целых три — Горная Шория, Кузнецкий Алатау и Камчатка! Есть своя Территория у Григория Федосеева. Есть она у Леонида Пасенюка, у Василия Шукшина, у Фенимора Купера, у Джека Лондона, у Юрия Рытхэу и т. д.

“Территория — это не Чукотка, — пишет и сам Олег Куваев летом 1974 года в письме к одному обиженному оппоненту, геологу. — Это выдуманная мною страна, которой я придал ряд черт Чукотки. Не скрою, вначале я собирался написать именно историю открытия чукотского золота. Более семи лет собирал материалы. Намерение своё я не рекламировал, но в самом начале работы меня захлестнул поток писем от “обиженных первооткрывателей”. Каждый хотел “своё” место. Я понял, что если я влезу в подлинную историю, мне никогда до конца дней не выбраться из кляуз. И я оставил от Чукотки лишь одного подлинно существовавшего человека — Николая Ильича Чемоданова, к нему я всегда относился и отношусь с глубоким уважением, и я жалею и буду жалеть, что перо моё слабо, чтобы выразить всю сложность этого человека и этого человеческого типа. В какой-то степени это всё-таки удалось”.

И содрогнулся Магадан...

Роман Олега Куваева “Территория”, вышедший в 1974 году в “Нашем современнике” в мартовской и апрельской книжках, для многих явился буквально громом среди ясного неба. Особенно он потряс Магадан, а в нём — геологов. Они знали, что роман пишется. Надеялись, что если уж он не документальный, а художественный, то прототипами-то они уж будут обязательно. Причём узнаваемыми. Но всё оказалось не так. Это и потрясло их.

Одним из первых возмутился старший научный сотрудник Северо-Восточного комплексного НИИ Василий Белый. И не просто возмутился, а написал письмо главному редактору журнала “Наш современник” С. В. Викулову.

Мы не знаем содержания этого письма. Но, читая пространственный ответ на него Олега Куваева, о нём можно догадаться. Это обыкновенный пасквиль. Белый и Куваев были знакомы, оба геологи, общались на “ты”. Белого как раз и возмутило отсутствие в романе документальной точности, или, по его разумению, правды. Он и написал в журнал, что ж вы, мол, сделали, напечатали куваевские домыслы (или вымыслы), а всё было не так, автор даже “не осветил истинные образы скромных тружеников” (это единственная цитата в письме Куваева из письма Белого).

“Наш современник” переслал письмо Белого Куваеву: разберись, мол, с коллегами. Олег Михайлович “разобрался”, ответив Белому. Вот одна из его реплик:

“Роман написан не для кучки людей, считающих, что их “задели”. Он написан для сотни тысяч молодых людей — вон они шляются по двору — и для моих сверстников, которые сейчас свели смысл жизни к метражу жилплощади и сорту мебели. И написан он ради последней его фразы: “Довольны ли вы собой?” Без двух последних страниц его вообще не стоило бы публиковать”.

Да, многие колымские и чукотские геологи не нашли себя как прототипов в романе “Территория”. Подобно Белому, написал письмо в журнал и главный

* Иван Падерин, Анатолий Ланщиков — известные писатели.

геолог Анойской геологоразведочной экспедиции Марий Городинский. “Куваев должен был отнестись с большей ответственностью...” — звучало в письме.

Было и такое: к Альберту Мифтахутдинову, секретарю Магаданского отделения Союза писателей, глубокой ночью зашли “три пьяных кандидата наук”. “Фамилий он мне не написал, — сообщает Олег Куваев, — видимо, по договорённости. Они показали ему две папочки. “Вот в этой — компромат на Куваева. А вот в этой папочке — компромат на роман. Мы знаем, куда это послать”.

Был в редакцию журнала “Наш современник” и звонок: “Мы пенсионеры, всю жизнь проработали на Колыме. У нас не было этих ужасов, не было работорговли под кличками, Куваев чернит нашу колымскую действительность. Не было у нас барачников. Мы жили в комнатах на двоих и на четверых”.

Куваев отвечает: “О, плебейское счастье! Их оклеветали! Они жили не в бараке, а четверо в комнатке! И кличек не было. Не было ни лагерей, ни мордоворотства — были скромные труженики прямо с плаката. Как автор я виноват в том, что я умолчал. А умолчал я не по трусости, а по той причине, что тема жестокости для писателя — тема спекулятивная. И если ты не прошёл это своей шкурой, ты не вправе об этом писать”.

Его вынудили оправдываться. И он оправдывался, хотя понимал, что зря это делает. Но ведь коллеги, геологи, он любил их, как доброе, родное племя. И отвечал: “При последних переделках, кстати, исчезла и детальная геологическая фактология. Она нужна была для десятка, может быть, лиц, работавших когда-то на чукотском золоте. Но она же затемняла главную идею и мешала ей. Я убрал это без сожаления, как отслужившую роль и отмершую служебную часть”.

Вот для чего нужны были бесконечные переделки текста романа, его шесть вариантов. И он ведь хотел писать ещё и седьмой.

Из геологов и прототипов его понял только Герман Жилинский. Пусть не сразу, но понял. И Олег Куваев был ему за это благодарен. Между ними завязалась писательская дружба. Жаль, она длилась недолго из-за ранней смерти Куваева.

Возможно, нападки некоторых коллег на роман и на самого автора внесли свою лепту в столь ранний уход Олега Михайловича. Кто знает...

А Магадан со временем успокоился. Сегодня колымчане с гордостью называют свой регион “Территорией”. А в самом Магадане центральная библиотека носит имя Олега Михайловича Куваева. На Чукотке одна из горных вершин тоже носит имя Олега Куваева.

И вспыхнула Москва...

Москва литературная, в отличие от некоторой части магаданцев, благожелательно приняла роман “Территория”. Безусловно, это поднимало автора в собственных глазах. “Говорят, что роман я написал неплохой, — сообщал он в марте 1974 года в письме сестре Галине Михайловне Куваевой. — Ну, скажем, средний. Это уже хорошо...”

Ей же, уже в мае 1974 года, после выхода второй, апрельской книжки журнала “Наш современник” с романом “Территория” Олег Куваев сообщал о том, как восприняли его работу на пленуме правления Союза писателей РСФСР:

“Был пленум писательский “Литература 70-х годов”. Такое у него название было. Официальный доклад сделал Юрий Бондарев. Он взял да “ляпнул” с трибуны, что мой роман “Территория” — “явление русской литературы”. Он, правда, его ещё в рукописи читал по просьбе редакции. Ну, у Бондарева сейчас авторитет. Да ещё официальный доклад. Да ещё в зале полно народа из ЦК. А я в ЦДЛ зашёл, надо было мне там Алика Мифтахутдинова встретить. Смотрю, меня у порога встречают, как именинника. Редакторы толстых журналов через зал идут, руку тянут (откуда, думаю, они моё имя-то знают, физиономии моей ведь не видали). Ну, и так далее. Главный редактор “Нашего современника” к столику подсел, по плечу хлопает:

— Из ЦК звонили, — говорит. — Говорят, лучшее, что было за последние годы.

Короче, карьера моя устроена”.

Об этом же написал и Альберт Мифтахутдинов. Его версия звучит так: “Впервые настоящая оценка роману “Территория” прозвучала на пленуме правления Союза писателей РСФСР в 1974 году в докладе Юрия Бондарева,

посвящённом проблемам развития русской советской прозы. Роман Олега Куваева был назван явлением нашей литературы, от романа, было сказано, веет апрельской свежестью.

В Центральном Доме литераторов, где проходил пленум, у меня с Олегом была назначена встреча. Он сидел в нижнем кофейном зале с Юрием Васильевым, ожидая перерыва в работе высокого собрания, и не знал, не ведал, что с этого часа круто изменится его судьба.

Объявили большой перерыв на обед. Я спустился вниз и предложил ребятам подняться в ресторан, сообщив, что есть повод и виновник вот он, рядом, и вкратце изложил суть доклада. Олег молчал и смотрел недоверчиво. “Можешь верить, — сказал Олегу Васильев, — посмотри на него, он сегодня к шуткам не расположен”.

Мы поднялись наверх, заняли столик, и тут к Олегу один за другим стали подходить участники пленума с поздравлениями. Запомнилось, как Сергей Викулов, редактор журнала, где печаталась “Территория”, пообещал Олегу опубликовать его рукописи, которые пока ещё лежат в портфеле журнала, в самое ближайшее время.

Запомнилось, как подошёл к Олегу знакомиться Гавриил Троепольский. Олег встал. “Понимаете, — сказал Троепольский, — я представлял вас высоким, могучим, а главное, старше. А вы ещё совсем молодой человек!” Олег развёл руками и засмутился, предложил сесть, но Троепольский поблагодарил, пожал руку и откланялся.

Было шумно. Знакомые и незнакомые люди подходили, поздравляли, сажались, уходили — столпотворение. Олег чувствовал себя не очень удобно. И решено было втроём уйти на Арбат, в дом, который всегда был приютом для бродяг-северян, где жили наши давние друзья писатель Виктор Николаевич Болдырев и его жена скульптор Ксения Ивановская”.

“Издаваться легче будет, — делал из этого вывод сам Олег Куваев. — Но у меня с этим всегда (тьфу-тьфу) просто обстояло. Было бы написано, а уже как-нибудь опубликуют. С кино пока плохо*. Сами они не знают, какого им рожна требуется, а я соответственно не знаю, какого им рожна надо. Ох, помтают они мне душеньку за эти пять тыщ. А мне второй роман писать охота. С лета, наверное, и начну”.

Второй роман задумывался совсем о другом. Но о нём — ниже, а пока — о славе земной, которую принёс Куваеву его первенец, роман “Территория”.

Писателем разом заинтересовались многие издательства и редакции толстых литературных журналов. Прислал письмо редактор “Юности” Борис Полевой, предложил сотрудничество и похвалил автора “Территории” словами: “По-видимому, у вас доброе сердце и внимательный глаз”. В ответ Куваев отправил в “Юность” рассказ, который вышел во втором номере 1975 года. А в январе того же 1975 года он познакомился и с самим Борисом Полевым. “Не мужик, а золото, — написал Куваев о нём сестре. — Большой весь. Простяга, умница”. Короткая, но ёмкая характеристика.

Тогда же послал он “Территорию” в “Роман-газету”. Она вышла в 3-м номере 1975 года, за несколько дней до его неожиданной смерти. Таким образом, можно считать, что при жизни автора “Территория” выходила только дважды — в журнале “Наш современник” (1974) и альманахе “Роман-газета” в полном книжном варианте в 1975 году. Успел Олег Михайлович подготовить и сценарий романа для радио. Он прозвучал в рубрике “Золотой фонд Всесоюзного радио”.

Три миллиона экземпляров “Роман-газеты” с “Территорией” разлетелись по всей стране. Я купил этот номер в городе Междуреченске Кемеровской области, куда приехал работать молодым специалистом в Томь-Усинскую геолого-поисковую экспедицию. О романе я уже был наслышан, и вот он попал мне в руки. После меня читала его вся общага ИТР нашей экспедиции. Как раз начинался полевой сезон, и все мы, молодые геологи, отправились в тайгу, на поиски полезных ископаемых, с особенным воодушевлением и настоящим рвением. И долго потом в палатках звучали разговоры о “Территории”, о прекрасной нашей профессии геологов, о том, что жить нужно именно так, как живём мы, — со страстью, полной отдачей делу и любовью, на зависть домоседам. А ведь этого и добивался Олег Куваев своим романом.

* Имеется в виду сценарий по “Территории” для “Мосфильма”, режиссёр Александр Сурин.

Я написал тогда стихотворенье, в котором выразил отношение к любимой работе:

*Прищурившись, оглядываю лес.
Курю, ещё последняя затяжка.
Давно бы на тайге поставил крест,
Да без неё мне в жизни будет тяжко.
И по траве, по зарослям густым,
Через валежник и через кусты,
Под рюкзаковой тяжестью согнутый,
Прокладываю линию маршрута...*

Весть о смерти автора пришла к нам чуть раньше самого романа, и мы, конечно, переживали, но после того, как роман был прочитан, буквально загоревали от того, что умер в расцвете творческих сил такой великолепный писатель, к тому же наш коллега. “Столько бы ещё написал!” – с горечью говорили ребята.

Незаконченным остался его следующий роман “Правила бегства”. Он начал работу над ним сразу после выхода “Территории” в “Нашем современнике”, о чём свидетельствуют строчки из его письма за 1974 год Алле Федотовой:

“Немного выбила из колеи эта шумиха, которая в голосах и наяву была гораздо сильнее, чем в печати. Сильная была шумиха. И ещё какое-то время будет, так как критики подрались за право писать обо мне статьи. Но это всё скоро утихнет – я в их колею не ложусь... Жить будет легче, надо другой роман писать...”

И чуть позже ей же: “... я вдруг начал писать новый роман. Маялся я им, начать не мог. И тут как-то всё и сложилось. Начал. Люди есть. История есть. Название есть. Эпиграф есть. Три печатных листа текста есть”.

Его останавливает известие о смерти Шукшина, о смерти Шпаликова, с которым он был хорошо знаком. Выбивает из колеи. Но время лечит. В июле 1974 года он сообщает товарищу по странствиям и походам Игорю Шабарину: “Я, вишь ли, новый роман начал. “Правила бегства”. О бичах”.

Той же осенью он пишет Игорю уже более подробно о новом романе:

“Я сделал первую часть “Правил бегства”. Черновик, разумеется. Будет еще одна такая по объёму часть. О, боже мой, боже мой, каково необъятное море передо мной раскрылось. Необъятное море работы. Ошибку поспешности, допущенную с “Территорией”, повторить нельзя. В одном повезло – удачно сложилась концепция. Треугольник: отщепенец – люди, желающие ему помочь, – государство. И у каждой стороны этого треугольника свой рок, своя железная и безжалостная поступь судьбы”.

У романа “Правила бегства” есть эпиграф. Сам Олег Куваев говорил, что услышал его от Игоря Шабарина. Так это или нет, неважно, но эпиграфом Куваев дорожил. В одном из писем тому же Шабарину даже так написал: “Правила бегства” должен быть серьёзно. Эпиграф обязывает”.

Что за эпиграф, какой великий и обязывающий смысл заложен в нём? Вчитаемся:

*“Если я не за себя, то кто за меня?
Но если я только за себя, к чему я?”
Древний вопрос.*

Мне видится здесь двоякий смысл. И оба они увязываются с названием романа – “Правила бегства”. Олег Куваев всю жизнь убегал от себя. Собственно, все люди когда-то начинают бегать. Между мечтой и реальностью. Между обычными географическими точками. Между душевным спокойствием и надоевшими до чёртиков обязанностями, между желанием остаться честным и чистым и дьявольскими искушениями, между необъятной волей и тисками производственной необходимости. И так далее. При этом важным остаётся одно обстоятельство: эгоист ты или нет. Только ли о себе твоя душа плачет? Только ли тебе твоё сердце поёт? Это с одной стороны. А с другой: если ты не за себя, то кто за тебя?

Олег Куваев увидел по опыту жизни некие правила, которые могли бы как-то урегулировать этот “древний вопрос”, как он пишет в эпиграфе. Наверное,

точнее было бы сказать: “вечный вопрос”. Или: “древний (старый) и вечный вопрос”. Отсюда и название: “Правила бегства”. Как правильно убежать от себя к себе?

В ноябре 1974 года Олег Куваев пишет Борису Ильинскому: “Я знаю цену прозе. И если бог сподобит, роман “Правила бегства” я доведу до ума. Это ведь история о людях, выброшенных из жизни, о бичах, их бедах и горе, и о том, как рушатся попытки идеалистов их спасти. Бича спасает лишь сам бич. И как недавно сказал один крестьянин-сван (я ездил в Сванетию, вернее, сходил туда пешком через перевал). Он сказал, держа в руках мутный стакан самогонки: “А этот тост, друзья, выпьем за тех людей, которые хотели жить. Но не сумели”. Он был тёмный сван, трудяга. Но часто ли тебе приходилось сталкиваться с такой концентрированной мудростью?”

Сто сорок пять книжных страниц — это всё, что он успел написать, работая над романом “Правила бегства”. По большому счёту, он его подвёл к концу, или, как бы сам он сказал, “в черновике написал первый вариант”. Оставались шлифовка, доработка, переработка, дописка, переписка и т. д. Этого он уже не успел, лист бумаги остался в печатной машинке в доме в Переславле-Залесском, где он умер. По его представлениям, над романом ещё надо было сидеть “год-полтора”...

Но этот недописанный роман можно и нужно читать!

Предчувствие смерти

Смерть торопила его. Он её предчувствовал. Стал сниться умерший отец. Захотелось поехать в родную Вятку и отыскать могилу матери. А тут — смерть Василия Шукшина (октябрь 1974 года), которую он сильно переживал. Смерть близкого товарища Геннадия Шпаликова (ноябрь 1974 года). И, наконец, смерть любимого друга Виктора Болдырева, писателя, исследователя Севера, легенды Омолона. Болдырев умер в феврале 1975 года, а 8 апреля умрёт от инфаркта и Олег Куваев.

Но пока он жив и едет в Вятку. Находит могилу матери, которую, к своему большому стыду и сожалению, давно не посещал, как и саму Вятку. “Юма вся утонула в грязи, — пишет он сестре Галине Михайловне о деревне, в которой они росли, начиная с 1944 года. — Не знаю, уж какие памятники надо ставить отцу с матерью за то, что они дали нам возможность выбраться из юмского болота”.

Памятник на могиле матери он решает ставить. И вновь приезжает в Юму в августе 1974 года, на этот раз с мешками цемента. “Там надо было добыть кирпичи, ещё цемент и машину, — пишет он сестре Галине. — С помощью большого количества водки всё это добыл... Натаскал я в рюкзаке шлаку, и поставили на шлаковой подушке, и воду отвели. Пока это самый красивый и самый приличный памятник на кладбище”.

Сообщал он сестре и о болезнях, которые стали посещать его. В мартовском (последнем в жизни) письме 1975 года, за месяц до смерти, он даже отправил сестре “грозную бумагу насчёт давления”, — возможно, кардиограмму. А за год до этого, в марте 1974 года, когда начал выходить в свет журнальный вариант романа “Территория”, написал Галине Михайловне: “Что-то вот уже с год ежедневно думаю о смерти. Что это за штука такая. Мне это необходимо в душе понять, а не могу...”

Светлана Гринь, гражданская жена Олега Куваева последних двух с половиной лет, свидетельствует, что “в 1974–1975 годах Олег купил в Москве иконы и Библию, несмотря на всевозможные запреты и трудности “доставания” таких вещей в те времена. Библию читал до последнего своего дня. Иконы хотел отдать на реставрацию, но не успел. Будучи истинно русским человеком, внутренне (не напоказ) веровал в Бога. А когда ему бывало плохо, часто говорил: “О, Господи! Господи! Если Ты есть, а я знаю, что Ты — есть, прости меня, грешного!”

Хотел ведь Олег Куваев писать ещё один роман — “Последний охотник”, в стиле Фенимора Купера, только своего времени и о Чукотке, о чукчах и пришлом белом охотнике. Но пока заканчивал “Правила бегства”. 6 апреля 1975 года он приехал в Переславль-Залесский, в квартиру сестры Светланы Гринь, где привечали и его, чтобы продолжить работу над романом “Правила бегства”.

Далее свидетельствует родная сестра Светланы Гринь, хозяйка квартиры Людмила Чайко:

“Тот роковой день начался, как всегда, — Светлана, Анатолий и я утром ушли на работу. Олег, вновь приехавший к нам в Переславль-Залесский, приступил к своей любимой работе — шлифовке только что законченного черного варианта романа “Правила бегства”.

На перерыв я пришла немного раньше положенного, в 12 часов была уже дома. Дверь в комнату Олега была закрыта. Только подумала: не буду мешать, дверь открылась, показался Олег. Увидев его лицо, покрытое крупными каплями пота, я испугалась: “Тебе плохо?” Махнул рукой и потёр в районе сердца. Я сказала, что вызову “скорую помощь”. “Не надо”, — возразил он и спросил, есть ли в доме нитроглицерин. Мы были молоды, и таких лекарств в доме не водилось. Я кинулась к соседке напротив (у неё был телефон) и немедленно вызвала “скорую”. Нитроглицерина у неё тоже не было. Соседка подсказала, что во втором подъезде живёт медсестра.

Я бросилась туда. Навстречу из подъезда — медсестра с медицинской сумкой. Поняла меня с полуслова. Когда мы вошли, Олег лежал на полу недвижно. Медсестра пощупала пульс и произнесла роковое: он мёртв. Я закричала, чтобы сделала укол. Укол действия не возымел. Подоспевшая “скорая помощь” оказалась бессильна.

В это время пришли на перерыв Светлана и Анатолий. Светлана, вся дрожащая, щупала пульс Олега и кричала ещё не ушедшим медикам: “Пульс есть, пульс есть, сделайте что-нибудь!” На самом деле она приняла свой собственный сильно бьющийся пульс за пульс Олега.

Сердце Олега Михайловича Куваева перестало биться 8 апреля 1975 года в 12 часов 15–17 минут. Назавтра вечером в сопровождении моего мужа тело Олега было перевезено в Калининград (Подмосковный). Гражданская панихида проходила в Центральном доме литераторов (ЦДЛ) в Москве. Вместо траурной музыки звучала 40-я симфония Моцарта. По обоюдному согласию сестры Галины Михайловны и жены Олега было решено похоронить Олега Михайловича Куваева на кладбище Болшево (Подмосковного). Он погребён рядом с могилой отца”*.

В гостях у Олега Куваева и его семьи

10 октября 2018 года, я нахожусь в подмосковном городе Королёве, бывшем Калининграде, в доме Дмитрия Бартишвили-Куваева. Он сын сестры Олега Куваева Галины Михайловны и её мужа Георгия Семёновича Бартишвили, то есть племянник Олега Куваева, тот самый Димулька, о котором Олег Михайлович часто упоминал в письмах к сестре, передавал ему тёплые приветы. Но теперь “Димулька” давно взрослый и уже седой.

Пожилые родители Дмитрия живут здесь же, как и его дочь, но она в школе. А родители где-то в своих комнатах, дом большой, и я их пока не вижу.

Когда я нашёл этот дом, встретить меня вышел Дмитрий. За высоким глухим забором — просторный двор, засеянный травой. Октябрь, поэтому трава пожухла, и через нее видны камни. Но не простые и даже не местные. Дмитрий — тоже геолог, как и его знаменитый дядя, поэтому навёз камней из разных мест России.

— Из-за травы плохо видно, но здесь выложена из камней карта России, — поясняет Дмитрий. — Вы стоите как раз на Чукотке и своей Камчатке...

Я невольно делаю несколько шагов назад, оглядываю поляну. Действительно, если приглядеться, то можно увидеть Урал, Алтай, а там, дальше — и Кавказ. Если бы не трава, картинка была бы чёткой.

— Камни привезены из той местности, которую изображают, — добавляет Дмитрий. — Это труд многих лет. Где бывал, оттуда и вёз. Многие друзья привозили. Это Памир. На Памире я был, Олег тоже был. Там породы гранитные...

— Вот Кавказ, — Дмитрий приглашает меня пройти к другому краю поляны. — Мама географ, мамини образцы с Военно-Грузинской дороги... Это амазонит. Могила Олега сделана из него. А за этим камнем в Терсколе работал Олег Михайлович. Там такая опушечка была недалеко от нашего дома, на берегу речки, которая в Баксан впадает. И этот камень был его столом.

* Цитируется по: <https://old.litrossia.ru/2011/27/06321.html>

У него был маленький стульчик, он садился, ставил на камень портативную машинку и печатал. Сюда этот камень ребята привезли. “Территория” и “Правила бегства” во многом на этом “столе” написаны. И “Дом для бродяг”. Он ходил, печатал, когда солнечная погода была. Весной солнце очень греет...

После экскурсии по “каменной России” мы заходим в дом. Дмитрий ведёт меня в рабочий кабинет Галины Михайловны, матери, сестры Олега Куваева. Знакомит. Передо мной сидит в кресле за столом, заваленном кипой каких-то документов и похожих на рукописи бумаг, миниатюрная, седенькая женщина с живыми, весёлыми, но, видно, не очень здоровыми глазами и милой улыбкой на лице. Одета тепло – в свитер и меховую безрукавку-душегрейку.

– Вот, продолжаю разбирать наследие брата, – говорит она. – Вы знаете, что у нас в доме мемориальный музей Олега?

– Да, знаю, – отвечаю я. – Затем и приехал, чтобы с вами познакомиться и музей посмотреть.

– Дима мне сказал про вас, о том, что вы пишете книгу про Олега. Спасибо за интерес к нему.

– Это вам спасибо, что храните память о нём.

Не хочу утомлять пожилую женщину длинным разговором, поэтому желаю ей хорошего дня, и мы с Дмитрием поднимаемся по внутренней лестнице на второй этаж, в комнату, которую он оборудовал под музей. Как долго я об этом мечтал! И вот стою среди вещей и книг любимого писателя. На полу лежит огромная шкура белого медведя, которую привезли Куваеву с Чукотки. У задней стены – большой книжный шкаф. Рядом с входом – шкаф поменьше, на одной из полок которого с книгами самого Куваева лежит его трубка. Здесь же фотография, на которой он с этой трубкой.

Обращаю внимание на то, сколько издано книг Олега Куваева на иностранных языках. Полки этого шкафа почти полностью заставлены ими. И действительно, книги писателя переведены почти на тридцать языков, они выходили в Германии, Франции, Молдавии, Украине, Румынии, Эстонии, Литве, Латвии, Польше, Венгрии, Англии, Греции и т. д.

– Многое ещё не разобрано, не доделано, – поясняет Дмитрий. – Как только построили дом, справились с внутренней отделкой, я сразу приступил и к этой комнате.

Музей создавался, когда Куваевы жили ещё в старой тесной квартирке. Но по ходатайству Министерства геологии, Союза писателей России, Общества охраны памятников и ряда других общественных организаций руководство города Королёва выделило участок земли, на котором Дмитрий Георгиевич Бартишвили-Куваев выстроил этот отдельный просторный дом из красного кирпича, где и воссоздал мемориальную комнату своего дяди-писателя.

Здесь же, в комнате-музее, стоит небольшой рабочий стол, за которым Дмитрий разбирает записные книжки Олега Куваева. Почерк у писателя был непростой, да ещё и мелкий, работа идёт не быстро, многое приходится читать через лупу.

Обращает на себя внимание обилие на стенах картин и линогравюр на северную тему. Собирали их и сам Олег Куваев, и Дмитрий.

После музея спускаемся в просторную столовую. Дмитрий уходит на кухню приготовить кофе. Собираемся ехать на Болшевское кладбище, на могилу Олега Куваева. Я рассчитывал идти пешком – всего-то пара километров, но Дмитрий предложил велосипеды, благо их у него два – его и дочери. Я давненько не ездил на этом двухколёсном транспорте, но не спорю, соглашаюсь.

Едем через парк, какую-то старую насыпь, переезжаем мосток и выбираемся на автомобильную дорогу. Мне не сразу, но всё же удаётся приноровиться к велосипеду и педалям, и я лишь стараюсь не отставать далеко от Дмитрия.

Вот и кладбищенская ограда. Дмитрий, не сбавляя скорости, юркает через полуоткрытые металлические воротца внутрь кладбища. Я на автомате, не раздумывая и тоже не снижая скорости, – а зря! – заворачиваю в воротца, но задеваю о них концом руля, руки выпускают его, и меня несёт прямо на ближайшую металлическую ограду первой от забора могилы. Не успеваю бросить велосипед и прыгнуть с него, как впечатываюсь всем лицом в железные прутья ограды. Самый толстый поперечный прут пришёлся как раз по губам и зубам. Хрясь! Валюсь на землю, велосипед улетает в сторону, а у меня, лежащего, изо рта и разбитого носа ручьём течёт кровь. Встаю, наклоняюсь над

землёй, стараясь, чтобы кровь не залила одежду. Как могу, руками вытираю губы и нос — больше нечем, с собой нет даже платочка.

Через некоторое время вернулся Дмитрий, понявший, что со мной что-то случилось. На соседней могиле стояла пластиковая бутылка с водой, и я смог обмыть лицо. Дмитрий дал мне свой носовой платок.

Наконец, едем к могиле. Нет, я уже не еду, а веду велосипед. Другой рукой придерживаю у рта платочек.

— Ну вот, здесь покоится Олег Михайлович, — говорит Дмитрий.

Мысленно здороваюсь с писателем. Вот и добрался я до его могилы! Надгробие состоит из трёх камней. Дмитрий говорит, что самый большой привезён с Чукотки. Кстати, перед нами здесь были гости с Чукотки, оставили на скамеечке чукотский меховой талисман. Могила окружена металлическими цепями.

— Чуть зубы я не оставил на твоей могиле, Олег Михайлович, — говорю я, мысленно обращаясь к Куваеву и глядя на камни. — Будет память на всю оставшуюся жизнь.

Кладбище старое, запущенное, как многие русские погосты. Но здесь, на могиле Куваева, это почему-то воспринимается с неким уютом в душе. Старое, заросшее — значит, тихое, спокойное. Вот и нашёл свой покой неуёмный бродяга, мятущаяся душа, романтик, влюблённый в Север и горы. Успевший оставить нам замечательные произведения, которые и нас зовут жить по “правилам бегства”. Бегства к себе, а кому-то — от себя.

— До свидания, последний дом для бродяги, — говорю я перед уходом.

По пути домой Дмитрий рассказывает о себе и своей семье:

— Отец с матерью вместе работали, занимались физикой атмосферы. Здесь у мамы была комната. Она на меня её записала, а сами они всегда жили на Кавказе. У отца была квартира в Тбилиси. Я не знал, куда пойти учиться. Мастер спорта, меня звали хоть куда, хоть в Тбилиси. Но стал я геологом. Когда Олег умер, мама спросила, согласен ли я хранить память Олега? Конечно, я согласился. И сама мама, когда Олег умер, там с работы уволилась, приехала сюда. Она понимала, что книги Олега надо публиковать, и она занялась его литературным наследием. Я тогда только в седьмом классе учился, и мы с отцом там жили, на Кавказе. А мама моталась туда-сюда.

— Мама по фамилии Куваева?

— Да, она не меняла фамилию, она Куваева. И я поменял на Куваева. Отец понимает, что надо оставить фамилию Олега. У меня же брат ещё есть, он Бартишвили. У меня дочь Маша. Мама даже воспрянула, когда я стал Куваевым. Она болеет. Вообще мы думали, что она мало проживёт, но, молодец, держится. Жена у меня белоруска. У мамы была огромная коса, всю жизнь. И у Машки волос бабушкин. У Олега густых волос не было, он даже лысеть начал очень быстро...

Дома Дмитрий обработал мои раны, которые оказались достаточно серьёзными, а вечером со всей семьёй Бартишвили-Куваевых мы скромно помянули Олега Михайловича. Старший Бартишвили — Георгий — рассказывал об Олге. Говорил тихо. И как-то грустно было слушать его вдумчивый, неспешный голос:

— Олег мало говорил, больше молчал, слушал. Особенно неинтересно ему было с интеллигенцией. К нам наши сотрудники приходили, учёные. Я вижу, он не слушает. Немного посидит и ищет способ удрать. Я спрашивал, почему он так. Он: знаешь, интеллигенция научена скрывать правду, и мне не интересно. Он всегда был учеником, никогда — учителем. Ни с кем он не спорил. Он не говорил своё мнение. Он прислушивался издали. Интересно — ещё глубже интересуется, интересно — что-то пишет. Как-то девочка Тамрико, семиклассница, из Тбилиси приехала к нам в Терскोल. И начала болтать. Олег внимательно слушал и — раз! — что-то записал. Потом Тамрико говорила, и он записал с её слов, что у них в классе есть мальчик, которого дразнят “клизма без механизма”. У Олега потом это было. Мы с другом в командировке были, у нас большая русская печка стояла, которую называли “Иван Грозный”. И у Олега есть это. Он всегда прислушивался.

Знаете, ему даже более интересны были немножко умственно ограниченные люди, чем умные. Я спросил Олега: почему? Он мне сказал: они искренние. Он тихий был человек. Юмор — только на себя. Изумительно: юмор — только на себя. Он никогда над другими не смеялся. Когда говорили

про русских, он говорил: нет русского этноса, есть Москва, и есть проблемы, связанные с Москвой. А потом, с годами, я убедился, что это так.

– А кого из женщин он всё-таки больше всех любил? – поинтересовался я.

– Аллу Федотову, – уверенно ответил Георгий. Галина Михайловна, слушая мужа, согласно кивнула головой.

– Он её единственную по-настоящему любил, – продолжал Георгий. – Несколько лет назад она пришла сюда, ночевала даже здесь. К сожалению, умерла уже...

Разговор у нас был долгим. Потом мы остались вдвоём с Дмитрием. И опять говорили об Олеге Куваеве. О нём говорить можно бесконечно. Человек прожил сорок лет, а столько нам оставил!..

* * *

“Помни об отце Грине! – писал в одной из записных книжек Олег Куваев. – Мир скучен. Надо выдумывать его и абстрагировать. Но вовсе не значит, что это – лезть в Лиссы и Зурбаганы. Наводи, братуха, цветной прожектор на серую улицу жизни. В живописи это называется условной манерой”.

Он был настоящим писателем. Мастером художественной прозы.